

Валерий Ковалев

Танго Агарт

Книга вторая

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Валерий Ковалев
Танго Агарта. Часть 2. Клон

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Ковалев В. Н.

Танго Агарта. Часть 2. Клон / В. Н. Ковалев — «ЛитРес:
Самиздат», 2018

После захвата подлодкой "Танго" нацисткой базы в Антарктиде, события разворачиваются на материке. Олигарху Березовскому удается клонировать Сталина для захвата власти в новой России. Но тот выходит из-под контроля, вступает в контакт с подводниками и, используя захваченное ими сверхоружие, приступает к возрождению СССР. Содержит нецензурную брань.

Валерий Ковалев

Танго Агарта. Часть 2. Клон

Пролетает, брызнув в ночь огнями,
Черный, тихий, как сова, мотор,
Тихими, тяжелыми шагами,
В дом вступает Командор...

А.Блок

Часть 1. Грезы

Глава 1. Человек Мира

Часы на башне Биг-Бена* пробили утро.

Старушка Елизавета проглотила первую ложку монаршей овсянки, на Лондонской бирже открылись торги, великая страна стала ковать деньги, не отходя от кассы.

В это же самое время, в графстве Суррей, что на юге Англии, по бесчисленным залам построенного в эдвардианском стиле особняка, внесенного в список памятников архитектуры, нервно рысил, покусывая на руках ногти, человек в халате от версаче и ермолке*.

На вид ему было за шестьдесят, он привычно горбился и в профиль напоминал Наполеона Бонапарта в период заключения того на острове Святой Елены.

Звали человека Борис Абрамович Березовский, в прошлом он был особой приближенной к императору, а теперь опальный олигарх и человек Мира.

Гонимый новым российским самодержцем и его кликой, осенью 2003-го, Борис Абрамович бежал с исторической родины, отстегнул через оффшоры брату английской королевы принцу Майклу 320 тысяч фунтов и обосновался на постоянное жительство в Соединенном королевстве.

Чувствуя себя несправедливо униженным и оскорбленным (в России успешного политика, бизнесмена и членкора РАН обвинили во всех тяжких и даже заочно осудили), изгнанник не смирился и, тряхнув мошной, вступил в неравную борьбу с узурпатором.

Для начала он щедро профинансировал чеченских абреков, возжаждавших создать на Кавказе исламский халифат от Черного моря до Урала, а потом американского ставленника Ющенко в Украине, заручившись их поддержкой в благом деле.

Но первых остатки русской армии, поднатужившись, отстреляли, второго немного отравили завистники, и он впал в прострацию, а Борис Абрамович остался на бобах.

– Курвы, кругом одни курвы! – дал оценку бывшим соратникам олигарх, скрупулезно подсчитав оставшиеся миллиарды.

– Так и до миллионера докатишься, – подбил он неутешительный дебет* и вспомнил своего лучшего ученика, а ныне кремлевского кошелька, губернатора Чукотки и владельца «Челси», Рому Абрамовича.

В свое время тот начинал с торговли резиновыми игрушками и кондомами*, затем на одной из встреч попался на глаза купавшемуся в лучах славы Березовскому, выполнил для того ряд деликатных поручений (шалун очень любил красивых женщин), после чего был допущен к кормилу власти.

Следствием явился крупный нефтяной бизнес, тесное общение с первыми лицами государства и окучивание страны в числе избранных, на ее бескрайних просторах.

– Делай как я, поц* – в очередной раз получая свою долю и переводя ее на Багамы, наставлял похожего на библейского праведника Рому, благодетель. – И всегда будешь иметь свой маленький гешефт, как в Одессе.

«Поц» влажно блестел маслинами глаз, чесал рыжую поросль на щеках и клялся в вечной преданности.

Теперь, устав от обильно льющегося на его счета финансовых потоков, пьяных чукчей и надоедливых папарацци*, баловень судьбы отдыхал на одной из своих английских вилл в Западном Суссексе, и Борис Абрамович (по паспорту, в целях конспирации, он теперь именовался Платон Еленин), направил к воспитаннику свои стопы, в надежде перехватить от его щедрот.

Но нувориш принял забытого благодетеля весьма прохладно, а на просьбу подкинуть по бедности миллиард, гнусно рассмеялся.

– Так что, не дашь? – подался к сидевшему напротив в кресле одного из Тюдоров* Роме, пламенный революционер.

– Не дам, – последовал ответ, и владелец «Челси» ткнул просителю в нос пахнувший дорогим парфумом кукиш.

Далее последовала непередаваемая игра слов и междометий, после которых два стоящих позади хозяина горилообразных секьюрити*, по его знаку сгребли гостя в охапку, быстренько спустили вниз и выкинули за ворота виллы.

– Ну, жид пархатый, погоди! – взбунтовался в Борисе Абрамовиче Платон Еленин, после чего встав с подстриженной лужайки, он заковылял к своему «Роллс-ройсу», у предупредительно открытой двери которого, скорбно стоял водитель.

Вслед за этим Еленин-Березовский, наняв лучших адвокатов, вчинил наглецу иск, обратившись в Высокий суд Лондона и обвинив того в присвоении пяти кровных миллиардов, после чего в храме правосудия состоялась битва титанов.

Присутствовавшие потели от услышанного, адвокаты сторон сражались подобно древнеримским гладиаторам на арене, европейские пресса и TV непрерывно освещали ход небывалого процесса.

Спустя четыре месяца он был завершен, судья Элизабет Глостер огласила вердикт и стукнула молотком, желанные миллиарды остались у Абрамовича.

– Блядская страна! – в сердцах заявил, выбежав из суда окружившим его репортерам разъяренный истец. – Сучьи законы! – хлопнул он дверцей лимузина и тот, раздвигая толпу зевак, гиппопотамом тронулся с места.

Вернувшись в свою обитель и подсчитав судебные издержки (они составили сумму в 160 миллионов), человек Мира расстроился еще больше, проклял алчных адвокатов, и, почувствовав упадок душевных сил, отправился подлечиться в лучшую психиатрическую клинику Израиля.

Там, окруженный внимание врачей, он принимал различные процедуры, вкушал кошерную пищу и регулярно слушал патриотическую «Шалом алейхем».

Веди нас в бой Голда Меир,
Веди нас в бой Голда Меир,
Веди нас в бой Голда Меир,
И одноглазый бог войны Моше Даян!

Москва, ты нам не столица -
Еврей свободная птица,
Пускай цветёт среди олив,
Свободный город Тель-Авив!

Идут железные роты
Еврейской мотопехоты
Тогда войне придет конец,
Когда еврей, еврей, еврей возьмёт Суэц.

Дойдем до Красного моря
На страх и ужас врагам,
И точно нашим будет вскоре
Тот дальний город, что зовется Асуан.

И пусть же знают народы,
Настанет время когда,
Взойдет над ясным небосводом
Шестиконечная Давидова звезда.

И наша вождь Голда Меир
Раскинет ядерный веер.
Тогда войне придет конец,
Когда еврей, еврей, еврей возьмёт Суэц!

Мессиански вопил многоголосый хор, и Борис Абрамович чувствовал единение с народом, живущим на Земле обетованной.

Сначала он тоже предполагал поселиться здесь, но столь значительное скопление патриотов смущало, все лучшие места под солнцем были давно заняты, а путешествие до Суэца представлялось весьма проблематичным.

Вскоре больной снова пришел в душевное равновесие, а в одну ночей, что случилось весьма редко, ему приснился необычный сон.

Борис Абрамович, в короне, царской мантии и со скипетром в руке, восседал на троне в Георгиевском зале Кремля, а перед ним, на коленях, воя и стеная, ползала нынешняя камарилья.

– Всех на Колыму! – грохнул в пол атрибут власти, и люди в форме НКВД поволокли всех к выходу.

– Жить стало лучше, жить стало веселей... – эхом донеслось с высоких сводов, после чего там заклубилась туманная голова с усами и исчезла.

Утром человек Мира проснулся в мажорном настроении и долго размышлял, что бы это значило. А потом, связав воедино форму, услышанную фразу и усы, похолодел – СТАЛИН!

Опальный олигарх, как и большинство из его круга, не являлся почитателем «вождя народов», но ценил в этой исторической фигуре умение скрутить всех в бараний рог, заставить плясать под свою дудку и пресмыкаться.

А поскольку верил в сны, (кто этим не грешит?) пригласил к себе раввина.

Тот все внимательно выслушал, почесал пейсы, а затем открыл прихваченный с собой Талмуд, и стал что-то бормотать, перелистывая страницы.

– Ну, как там, реббе? – подсигивая от нетерпения, – спросил спустя час, у вошедшего в транс служителя культа Березовский.

Тот не спеша закрыл священную книгу, потом в глазах старца возникло сознание и, подняв вверх палец, реббе процитировал, «во сне говорю я с Ним – пророком!». А потом опустил и добавил, – трактат Брахот, лист 55 б, – после чего многозначительно уставился на клиента.

– Но я же с ним не говорил? – выпучил глаза Борис Абрамович. – И какой он на хрен пророк? Скорее злодей и автократ*. Правда, великий.

– Неважно, – глубокомысленно заявил толкователь. – Этот сон истина, и все так и будет. А теперь дай от своих щедрот, – и протянул руку.

– Аф мир гезукт» *, – клюнул носом Березовский и тут же выписал раввину чек в пять тысяч евро на одном из обнуленных счетов в швейцарском банке (Борис Абрамович не любил платить и если можно, никогда этого не делал).

– Прощай сын мой, – сказал слуга Моисея и удалился, оставив после себя запах чеснока и надежды.

А Борис Абрамович съездил в Иерусалим, к Стене Плача, где возблагодарил Бога о ниспосланной благодати и оставил в священных камнях скромное прошение. В нем он уповал на помощь Создателя, просил кары Господней для проклятых узурпаторов и возведения себя на российский трон, за что обещал покрыть сусальным золотом все 485 метров артефакта.

Затем, почти не торгуясь, человек Мира оплатил свое лечение в клинике, убыл в свое английское поместье и, уединившись в рабочем кабинете, стал строить планы реализации того, что было предназначено.

Для начала он перебрал в России оставшуюся оппозицию и вздохнул – опереться было не на кого. Пришедшей к власти сворой чекистов вся она была зачищена.

Единственный честный и решительный бизнесмен Миша Ходорковский обрелся в тюрьме и вязал там варежки, бывший премьер Касьянов по кличке «Миша два процента» только шипел, но всего боялся, Боря Немцов тихо спивался и в пьяном угаре ходил с девками на Болотную, а ее молодых лидеров Навального с Молодцовым, всячески шельмовали и готовили к показательным посадкам.

Не радовали президенты и ранее симпатизировавших Борису Абрамовичу Грузии и Украины.

Первый был на грани фолла и по слухам питался только галстуками, а второй (по морде форменный бандит) оказался злопамятным и, помня его отношения с Ющенко, отобрал у Березовского весь его бизнес в Киеве и на Львовщине.

– Сволочь! – имея в виду Януковича, возбудился человек Мира, после чего высосал бокал мартеля и зажевал его оливкой.

Больше в голову ничего не приходило, он потянулся к пульту и включил вмонтированный в стену кабинета, плазменный «Филипс».

На плоском экране высветилась сухопарая леди, а потом жизнерадостный бородач, с лысиной, которого она уважительно называла «сэр Уилмут».

Это был известный в Англии генетик, в свое время клонировавший овцу Долли, за что старушка Елизавета произвела его в рыцари. Теперь Уилмут получил лицензию на право клонировать человеческий эмбрион и купался в лучах славы.

– Вот так, склепал овцу и ты великий человек, – бормотнул завистливый Борис Абрамович. – А тут столько сделал для России, а они меня в тюрьму, гребаные эмбрионы!

В сердцах он выключил телевизор и решил снова освежиться, но в это время в голове что-то щелкнуло.

– Овца, Долли, Сталин... Сталин, Долли, овца... , – запульсировало в мозгах, после чего у олигарха отвисла челюсть, и, хлопнул себя по лбу, он пронзительно завопил, – эврика!

Это было именно то, что нужно. Клонировать «отца народов» и выразить ему верноподанные чувства, затем вместе захватить власть (сторонников у того в России и сейчас немаленько), а затем получить со старика все, что причитается.

От таких перспектив закружилась голова, после чего Борис Абрамович судорожно всхлипнул.

И теперь, бегая по бесчисленным анфиладам комнат, человек Мира лихорадочно обдумывал, как реализовать столь блестящий проект. Кому-то другому он показался бы фантастическим, но только не ему.

Блестящий комбинатор и любитель интриг, склонный ко всяческим авантюрам и сомнительным предприятиям, Борис Абрамович всегда брался за невыполнимое, и, как правило, достигал результатов.

В свое время, практически из ничего, он создал на постсоветском пространстве, именовавшуюся «ЛОГОВАЗ», могущественную империю, затем подвизался в политике и достиг высших государственных постов.

То же, что случилось потом, считал происками кремлевских интриганов, и верил в свое божественное предназначение.

В очередной раз куснув ноготь и почувствовав, что может остаться без пальцев, Борис Абрамович пнул ногой в сафьяновом тапке подвернувшегося на пути любимого лабрадора, снова проследовал в кабинет, уселся за столом в кресло и, ткнув, пальцем в сенсор внутренней связи, вызвал к себе мажордома.

На самом деле это был старший из его обслуги, в прошлом майор и кадровый разведчик ГРУ Олег Веселов, обретавшийся в Туманном Альбионе, в силу жизненных обстоятельств.

До этого имелся бывший «комитетчик», некий Литвиненко, но он связался с Ми-6* и где-то до смерти надышался полонием*, в связи с чем усопшего пришлось заменить. Аналогичным.

Борис Абрамович питал слабость к спецслужбам, поскольку там работали люди без иллюзий не признававшие условностей, обожал тайные операции и весьма в этом деле преуспел, не раз оставляя с носом, изрядно обветшавшую «контору глубокого бурения»*

Спустя пару минут новый Джеймс Бонд, достойно заменивший старого, появился в кабинете и уставился на того прозрачными глазами.

– Присаживайся, – кивнул ему олигарх и ткнул пальцем в стоящее напротив кресло.

Изобразив на лице готовность к подвигам тот сел, и с видом пойнера* унюхавшего дичь, приготовился выслушать указание.

– Значит, так майор! – блеснув лысиной, изрек Борис Абрамович. – Завтра в это же время (Веселов взглянул на напольные часы в простенке, они показывали десять), у меня вот здесь, – хлопнул ладонью по красного дерева крышке стола, должна быть информация на всех лучших генетиков мира, занимающихся клонированием. Ты меня понял?

– Понял, – сглотнул тот слюну. – Разрешите выполнять?

– Давай, – сделал начальственную отмашку Борис Абрамович и бывший грушник растаял в воздухе подобно джинну.

– Умеет исчезать, сволочь, – одобрительно хмыкнул олигарх и занялся разработкой программных документов под создаваемую им партию, именуемую «Христианско-демократическая и революционная».

Эта задумка у него была давно, преследовала цель свержения ненавистного режима, и, с учетом недавнего озарения, принимала вполне конкретную форму.

Чувствуя себя Лениным в Разливе*, Борис Абрамович запустил персональный ноутбук, перекрестился (все олигархи набожны), и стал долбить по клавишам. С коротким перерывом на обед он занимался партийным строительством до ужина, а затем, подкрепившись лобстерами, черной икрой и шампанским, после, до глубокой ночи.

Ровно в десять следующего утра, когда поплавав в бассейне и приняв курс тайского массажа, олигарх сверстал программу, увенчав ее тезисом «Наше дело правое, мы победим!», в дверь кабинета постучали, и на пороге материализовался Веселов, держа в руке прозрачную папку с файлами.

– Здравия желаю, Борис Абрамович! – сделал он шаг вперед, являя образец верности.

– И тебе не хворать, рассказывай, – уставился на него патрон. – Я слушаю.

Спортивный майор гибко скользнул к столу и невесомо присел на краешек стула.

– Докладываю, – хорошо поставленным голосом начал он и щелкнул кнопками.

Сегодня в Мире (извлек из папки несколько листов), имеются три официально признанных ученых, занимающихся вопросами клонирования.

Это англичанин шотландского происхождения Ян Уилтмут – руководитель группы отдела функционирования и развития генов Рослинского института под Эдинбургом, создавший в 1996 овцу Долли, первое животное, клонированное из взрослой клетки; японский профессор Киотского университета Акира Иритани, работающий над созданием в ближайшее время аналогичным путем мамонта, а также известный итальянский доктор Северино Антори, заявивший что уже создал целых трех человеческих клона, которые успешно развиваются.

– Та-ак, – довольно потер руки революционный олигарх. – Мамонты и овцы мне на хрен не нужны, а вот про итальяшку поподробней.

– Согласно интервью, его Антори дал итальянским СМИ, – продолжил с воодушевлением экс-разведчик, – эти клоны дети (два пацана и девочка), родились и растут здоровыми, им сейчас по девять лет. А для процедуры воспроизводства доктор использовал клетки трех стерильных отцов, после чего оплодотворил ими женские при помощи метода именуемого «ядерный перенос». Клонирование в Италии запрещено, но Антори называет свою работу применением «инновационной терапии» или «генетической записи».

Правда доказательств своей работы он не представил, – закончил Веселов и сунул листки обратно в папку.

– М-да, – поскреб лысину Борис Абрамович. – Не иначе хитрит, гад, набивает себе цену. Ты лично как думаешь?

– Я готов это проверить, экселенц, – подался вперед боец тайного фронта. – Только прикажите.

– Считай, приказал, – встал из кресла «экселенц» и просеменил к стоящему в углу сейфу.

Там он набрал электронный шифр, извлек из бронированной туши пачку новеньких евро и шлепнул ее на стол перед «мажордомом»

– Здесь десять тысяч на расходы. Полетишь в Италию, найдешь там этого, как его, Сантори...

– Антори, экселенц, – поправил Веселов и подвинул к себе купюры.

– Не перебивай старших! – каркнул олигарх, – ...найдешь и выяснишь, сможет ли он мне клонировать человека из мошей. Премия десять миллионов евро.

В кабинете возникла мертвая тишина, потом майор икнул и ошарашено спросил, – позвольте узнать из чьих? Он обязательно об этом спросит.

– Скажешь из мошей Святого Патрика, – вплотную наклонился к нему Борис Абрамович, прожигая взглядом Мефистофеля. – Я буду с ним молиться. За здоровье королевы Елизаветы.

– Совсем плохой стал, – подумал о хозяине бывший шпион, но виду не подал. Сказывалась школа.

– И еще, – уселся на свое место Березовский. – Миссия сам понимаешь тайная, смотри не скурвись, как Литвиненко. Плохо кончишь.

– Исключается, – пробубнил Веселов, – разрешите выполнять? – и, сунув в карман евро, поднялся со стула.

– Можешь, – последовал ответ, – жду назад, через неделю.

Когда гонец покинул кабинет, и за ним закрылась дверь, Борис Абрамович встал из кресла, подошел к одному из зеркальных окон и обозрел окрестности.

Над далекими, поросшими вереском холмами клубился туман, в нем рисовались грандиозные перспективы, на душе было светло и благостно.

Глава 2. В стране италиков* и мафиози

– Наш лайнер идет на посадку, просьба пристегнуть ремни! – голосом Чечилии Бартоли* оперно пропело из трансляции, за бортом могучего «Боинга» стихли турбины, а на неоновом табло замигала надпись «No smoking!».

Дремавший в уютном кресле бизнес класса Олег Веселов открыл глаза, с удовольствием вытянул длинные, в модных туфлях ноги, и сладко потянулся.

Скучная дождливая Англия осталась позади, впереди была теплая Адриатика, кьянти и темпераментные итальянцы.

Бывший выпускник института военных переводчиков в Москве, а потом спецшколы ГРУ Министерства обороны, Веселов начал свою карьеру в Ливии, затем попал в аппарат военного атташе во Франции и был на хорошем счету.

Его начальник, кадровый разведчик старой школы, сумел привить молодому офицеру свои взгляды, научил тонкостям агентурной работы с иностранцами и честному исполнению долга.

Но потом Союз рухнул, и все изменилось, генерала турнули, а ему на смену пришел полковник. В прошлом офицер тыла* и зять крупного банкира.

Для начала он провел инвентаризацию всего имущества резидентуры и, посчитав, лишними три конспиративные квартиры, толкнул их не без ведома посла, через риэлтерские агентства Парижа за весьма приличную сумму. А чтобы все выглядело прилично, списал как пришедшие в негодность. После массовых беспорядков арабов. Мол, сожгли, суки.

Дальше пришла очередь выплачиваемых по специальной статье финансов, и вместо агентуры их стали получать «мертвые души». Капиталистические сексоты естественно разбежались, и источник информации иссяк. Как в пустыне Кара-Кума.

В Центр стали гнать «липу», и полковник вскоре получил лампы, а потом нагрянула проверка, и все вскрылось. Генерала отозвали в Москву и примерно наказали, отправив начальником кафедры в Военно-дипломатическую академию, а оперативникам приказали молчать, обещав в противном разе сделать «козью морду».

– Хрен вам, – сказал про себя лишенный последних иллюзий Веселов и свалил до лучших времен в Соединенное Королевство.

Там он предложил свои услуги коллегам из "Сикрет Интеллидженс Сервис"* , но они только рассмеялись. – Ты опоздал майор, у нас уже полно ваших полковников и даже генералов.

Однако взяли на учет и даже оформили вид на жительство.

Затем, поочередно, Олег работал таксистом, вышибалой в пабе и переводчиком в Британском музее (знал фарси и три европейских языка), который в пору изредка посещавшей его меланхолии, как-то навестил опальный олигарх.

Ему глянулся спортивного вида, являвший признаки интеллекта разбитной соотечественник, и, после тщательной проверки, тот был принят на работу к Борису Абрамовичу личным водителем.

Затем последовали два повышения, и, после известных событий, он занял место Литвиненко.

Когда смазливая стюардесса, белозубо улыбаясь, пригласила пассажиров к выходу, Олег встал, взял с полки небольшой кофр, и, весело насвистывая, пошагал по ковровой дорожке в ее сторону.

Проходя мимо, наклонился к красотке, – грации, и незаметно ущипнул ту за попку.

– О! – сделала она круглые глаза, но улыбаться не перестала. Это была часть ее работы.

Выйдя на верхнюю площадку залитого солнцем трапа, Веселов надел темные очки, и воскликнул по-русски, – привет тебе, Вечный город! – быстро сбежал вниз по ступенькам.

Спустя час, пройдя пограничную и таможенную процедуры, он на такси подъехал к одному из многочисленных отелей в центре Рима, и, расплатившись с шофером, направился к его стеклянному, с застывшим рядом швейцаром, входу.

В отеле экс-шпион поселился в одноместном «люксе» на пятнадцатом этаже, затем принял ванну, и, облачившись в халат и пляжные тапки (они входили в перечень услуг) извлек из мини-бара запотевшую бутылку.

Далее, нацедив в высокий стакан ледяного шерри*, Веселов прошлепал на широкую, уютную плетеном лоджию, уселся в плетеный шезлонг, закурил ароматную сигариллу, после чего, смакуя терпкий напиток, стал с удовольствием обозревать окрестности.

У горизонта, в синей дымке, виднелись исторические холмы, среди которых эпическая волчица взрастила Ромула и Рема, меж ними расплавленным серебром взблескивала узкая лента Тибра, а от находившихся совсем рядом древних руин Форума, веяло тайной вечности.

– Хорошо как, – растянул в улыбке губы вояжер. – Душевно.

Немного отдохнув и полистав справочник, в котором отсутствовали какие-либо сведения об искомом докторе, Веселов заказал по внутреннему телефону в аренду автомобиль (такая услуга тоже оказывалась), после чего оделся, спустился в ресторан, и отдал дань итальянской кухне.

Вслед за этим он отправился к стойке регистратора, назвав себя, оплатил счет, и мальчик – портье в ливрее и круглой, цветов итальянского флага шапочке, подогнал к входу красный ламборджини с откидным верхом.

– Прего, аккомодатевизи*, – выйдя из авто скорчил он умильную рожицу, и протянул руку.

Гость сунул мальчишке мелкую купюру, и, потрепав того по щеке, сел на место водителя.

Потом ламборджини сорвался с места, повернул направо и влился в поток следующих в сторону центра автомобилей.

В Риме Олег уже бывал, в бытность работы «дипломатом», и здесь, в российском торгпредстве, работал его давний друг и однокашник по институту, Сашка Борин.

Дальний родственник в свое время широко известного публициста и журналиста-международника, после окончания института Сашка был распределен в гражданское ведомство и крепил могущество Родины за ее пределами, торговлей.

В последний раз они виделись года три назад здесь, и Веселов знал, что «негоциант*», крепко сидит на своем месте.

Миновав бьющий жизнью центр, Веселов еще немного поколесил по городу и вскоре припарковался на тихой улице у здания торгпредства.

Окруженный металлической оградой с растущими внутри деревьями, помпезный особняк с башней впечатлял и внушал надежды.

Выйдя из машины, Веселов прошел на пост охраны, предъявил хмурому стражу удостоверение и жетон сотрудника Интерпола (они имелись у майора со времен службы в резидентуре), после чего, сделав официальное лицо, поинтересовался, как с тем связаться.

Страж снял трубку, и набрав нужный номер, кому-то сообщил, что с господином Бориным желает переговорить некий Поль Ферье из полиции (так значилось в документе).

Через пять минут в холл спустилась миловидная, с ногами от шеи девушка, и, уточнив, кто и откуда, провела детектива на второй этаж и дальше, в уютную приемную.

– Присядьте на минуточку синьор Ферье, – хлопнула она ресницами и простучала каблучками за высокую, светлой полировки дверь.

– Неплохо устроился Сашок, – подумал про себя Веселов, погружаясь в скрипучую кожу одного из кресел.

Потом дверь открылась, – и девушка сделала приглашающий знак рукой, – пер фаворе*.

– Мерси боку, мадмуазель, – на французском ответил Веселов и шагнул в прохладу кабинета.

Он был выдержан в классическом стиле, обставлен дорогой мебелью и с портретом российского президента в золоченом багете.

– Чем обязан? – встал из-за стола под ним солидный господин в белом костюме и тут же радостно завопил, – Олежка!

Далее последовали дружеские объятия, похлопывания по плечам и непередаваемые возгласы, после чего приятели уселись друг против друга.

– Снова в командировке? – заговорщицки подмигнул Борин, а затем нажал кнопку связи, велел принести тоник.

– Шпионю потихоньку, – ответил Веселов, и они расхохотались.

Чуть позже, откинувшись на мягкие спинки кресел, однокашники потягивали крепкий джин со льдом и обменивались новостями.

Сашка рассказал, что он теперь первый зам, купил по случаю виллу под Неаполем и в полном шоколаде.

– И чем торгуете? – сделал очередной глоток Олег. – Если не секрет, конечно.

– В основном танками, под видом цветных металлов – наклонился к нему приятель. – А недавно загнали в Гондурас две подводных лодки и плавбазу.

– ?!

– Ну да, – закинул тот ногу на ногу. – Сотрудничаем с нашим военным ведомством. Оно теперь наполовину частное, благодаря новому министру.

– А Кремль можете продать? – заинтересованно уставился на хозяина кабинета гость.

– Можем, – подумав, сказал Борин. – Но пока не было указания. Да что мы все обо мне, да обо мне. Как сам? Рассказывай.

– Веселов рассказал, и Сашка его одобрил, – мол, поступил правильно.

– На государство теперь работают либо воры либо дураки, – значительно поднял вверх палец. – Умные, как сказал великий Карл Маркс, создают прибавочную стоимость.

– А ты кто? – хрунул куском льда Веселов. – Первое или второе?

– Первое, Олежка, первое, потрепал его по плечу замторгпреда. – Дураками мы были в прошлой жизни.

Так ты к нам по какому вопросу? – пододвинул к Веселову коробку сигар. – Если нужна помощь, можешь мною располагать.

Олег не спеша раскурил «корону» и, пустив вверх несколько колец дыма, кивнул, – не помешает.

Далее гость сообщил, что его интересует доктор Северино Антори, к услугам которого желает прибегнуть шеф, благоразумно умолчав к каким именно.

– К сожалению, его адреса нет в городском справочнике, – развел он руками. – Я проверил.

– Не бери в голову, найдем мы твоего доктора, – заявил Борин и пригласил в кабинет секретаршу.

– Кармина, – обратился он к уже знакомой Веселову девушке, – мне срочно нужен адрес клиники доктора Северино Антори, разыщи его и сообщи мне, пожалуйста.

– Си синьор, – последовал ответ, после чего, играя бедрами, девица удалилась, а Веселов крякнул и сглотнул слюни.

– Что, в Соединенном королевстве таких нет? – заметив его реакцию, ухмыльнулся приятель.

– Откуда? – удивился Олег. – Все англичанки бледные и тощие как селедки. Сказывается недостаток солнца.

Вечером они снова встретились в ночном клубе, семья чиновника отдыхала на Мальдивах, и Борин вручил однокашнику нужный адрес. – На, пользуйся моей добротой.

Клиника медицинского светила находилась вблизи города Парма на севере Италии, в пятистах километрах от Рима.

– Эти места зовутся Эмилия-Романья, – продолжил Борин. – Эмилия лежит в дельте реки По, а Романья в гористой местности. Отличная природа, вино, знаменитый пармезан и женщины.

М-м, белиссимо! – сложил он пальцы перед губами и сделал плотоядную рожу.

Потом друзья подозвали официанта и сделали заказ. Он отличался изысканностью.

Спустя час, экс-шпион и негодник изрядно набрались и стали петь песни.

Впрочем, это делали не только они. В просторном, сияющем огнями зале, предавались шумному веселью многочисленные туристы из Европы, а неподалеку от эстрады компания бритоголовых украинцев, время от времени оравшая, «Героям слава!» учинила драку с немцами.

– Поможем землякам? – вскинулся со стула Веселов, но Борин его удержал, – не надо, это ж бандеровцы.

Вскоре двоих немцев увезли в больницу, хохлов, секьюрити выкинули на улицу, праздник жизни продолжился.

Затем друзья перекочевали в ближайший стриптиз-бар, а оттуда, имея благородные намерения, к проституткам.

Когда первые лучи солнца окрасили нежным пурпуром капитолийские холмы, Олег, вернулся на такси в отель, принял холодный душ, побрился и заказал в номер легкий завтрак.

– Отлично расслабились, – думал он, прихлебывая черный кофе и хрустя традиционными бискотти, – но время не ждет, пора за дело.

А чуть позже, ровно гудя мотором, ламборджини уносил нового Язона* по еще пустынной автостраде в сторону Пармы.

Оставив позади сотню километров, Веселов почувствовал голод и решил подкрепиться.

Сбросив скорость, он стал вглядываться в периодически возникающие рекламные щиты и вскоре узрел то, что нужно. Вслед за этим автомобиль свернул с трассы, и, немного проехав, остановился на стоянке у небольшого кафе с надписью «Pizzeria».

Под его летним тентом стояли несколько пустых столиков, из открытой двери доносились вкусные запахи, и звуки удивительно знакомой песни на русском.

Мы бандито, гангстерито,
Мы кастето, пистолето, (о-йес).
Мы стрелянто,
Убиванто, украданто то и это, (о-йес).
Банко, тресто, президенто,
Ограблянто ун моменто.
И за енто,
Режисенто нас сниманто киноленто.
И за енто,
Режисенто нас сниманто киноленто...

томно вещал под ритмичную музыку жизнерадостный дуэт, и Веселов вспомнил, что она из старого советского мультфильма «Приключения капитана Врунгеля».

– Это ж надо куда добралась, – удивился он и он шагнул в легкий полумрак за бамбуковой шторой.

Там, на одном из высоких стульев у стойки, поигрывал янтарными четками в руке, здоровенный детина, а за ней, стоял второй и, подпевая, что-то долбил на ноутбуке.

Рядом блестел никелем аудиоцентр, откуда и лилась мелодия.

– Ты гляди, Вован, русский! – неизвестно как почувявший в вошедшем земляка, воззрился на Веселова детина.

– Рады приветствовать соотечественника, – в свою очередь ослабил Вован и поставил его в режим ожидания. – Чего изволите?

– Пиццу с моцареллой, греческий салат и стакан соку.

– Сию минуту, – последовал ответ, и бармен рывкнул в сторону раздаточного окна, – Тофик!

Из него выглянула явно кавказского вида рожа, и, получив заказ, скрылась.

– Путешествуешь братан? – оценивающе разглядывая коммивояжера, пробасил парень с четками.

– Путешествую, – ответил Веселов и улыбнулся. Ему были приятны русская речь, рожи и песенка.

– А что у вас так пусто, – поинтересовался он. – Как в пустыне Сахара в полдень.

– Кризис, – сокрушенно вздохнул Вован. – Не хотят работать ленивые итальяшки.

– Ага, не хотят суки, – поддержал его второй. – Не то, что мы, русские. Может, желашь ствол или девочек? – заговорщицки подмигнул Веселову. – У нас для своих скидка.

– Или взломать кому-нибудь комп, – добавил Вован. – Я неплохой хакер.

– Да нет, ребята, спасибо, – зевнул тот. – Лучше принесите мой заказ. На свежий воздух.

Вслед за этим гость не спеша вышел наружу, и уселся под тентом за одним из столиков.

Мы бандито, знаменито,
Мы стрелято пистолето (о-йес),
Мы фиато разъезжанто
Целый день в кабриолето (о-йес),
Постоянно пьем чинзано,
Постоянно сыто – пьяно,
Держим банко миллионо
И плеванто на законо ...

жизнеутверждающе мурлыкал дуэт, и Веселов почувствовал себя почти на родине.

Вопреки ожиданиям, салат и пицца оказались на удивление вкусными, а апельсиновый сок в запотевшем бокале свежим и ароматным.

Мы пирато, гастролеро,
мы сеньоро де ля воро (о-йес),
И гражданто убеганто
В рассыпанто престо скоро (о-йес),
О-ля бенто дель бамбино,
Стея гранто гангстерино,
Умма мано, сав монето,
И стрелянто пистолето !

наевала песенка приятные мысли, а в высоком голубом небе, куда-то плыли облака.

Потом снова был гудящий под колесами автобан, мелькающие по сторонам зеленые рощи и поля, небольшие городки и далекий звон колокола, призывающего католиков к обеденной мессе.

Вечером Олег остановился на ночевку в придорожном мотеле, а на следующее утро въезжал в Парму.

Ее окрестности впечатляли расположенными в живописных местах вилами и средневековыми замками, а сам город Кафедральным собором, старинной архитектурой, и дыханием вечности.

– Белиссимо, – восхищенно протянул коммивояжер, – надо будет выбрать время и посмотреть, вслед за чем остановил ламборджини и поинтересовался у местного карабинера, как проехать к гостинице.

Страж порядка все подробно разъяснил, и вскоре Веселов припарковался на стоянке у выстроенного в стиле ренессанс двухэтажного здания, с бющим перед входом фонтаном и окаймленного живой изгородью.

Там, назвавшись Полем Ферье, он снял одноместный номер, смыл с себя дорожную пыль, и, спустившись вниз, поинтересовался у портье, как найти в клинику доктора Северино Антони.

– О, это несложно, – последовал ответ, и служащий извлек из конторки новенький автомобильный атлас.

Клиника, располагалась в семи километрах от города, и туда вела автомобильная дорога.

– Граacie, синьор, – поблагодарил гость, после чего взял атлас, и, вручив портье двадцать евро, направился к выходу.

– Не иначе филантроп*, – понюхав новенькую купюру, пробормотал тот. – Сейчас такие редкость.

А «филантроп», весело насвистывая, запустил двигатель автомобиля, вырулил со стоянки и не спеша покатыл по историческим улицам.

Далее он пересек мост через сонно текущую, одного имени с городом реку, выехал на ее противоположный берег и понесся в сторону синюющих вдали холмов.

Затем, перевалив невысокую, поросшую лесами гряду и петляя по извилистому серпантину, ламборджини спустился в зеленую, напоминающую Эдем долину, на одном из цветущих склонов которой раскинулось небольшое селение и паслось стадо белорунных овец, а на втором, у прыгающей по камням горной речки, виднелось в тени деревьев, помпезного вида белое здание, к которому вела мощеная старым булыжником дорога.

– Клиника, – подумал Веселов, и автомобиль запрыгал по ее неровностям.

Вблизи здание оказалось не столь белым и довольно обшарпанным, зеленой изгороди и лужайки перед ним, давно не касалась рука садовника, и никакой жизни, кроме воркованья голубей на высокой крыше, вокруг не наблюдалось.

Остановив ламборджини у высокого крыльца с расходящимися в стороны перилами, по бокам которого стояли два изваянных из мрамора сатира*, Веселов поднялся по истертым временем ступеням на широкую площадку и остановился перед высокой глухой дверью, с прорезанным в нем, закрытым окошком.

Чуть сбоку, на стене, виднелась медная позеленевшая табличка с надписью «Ospedale», а чуть ниже кнопка звонка. Веселов нажал ее, и спустя пару минут, внутри послышались шаркающие шаги старого человека.

Потом звякнул запор, крышка окошка опустилась внутрь, и в нем возникло сморщенное женское лицо в белом капоре.

– Мир тебе, сын мой, – прошамкала старушка. – Чего ты хочешь?

– Я желал бы видеть доктора Северино Антони, – со всей возможной почтительностью сказал Олег, приняв смиренную позу. – По очень важному делу.

– Его нет, – последовал ответ, и окошко затворилось. Затем вновь звякнул запор, и шаги потихоньку удалились.

– Не особо почтительно здесь встречают клиентов, – почесал затылок коммивояжер, и на него сверху какнул голубь.

– Твою мать! – выругался он по – русски, затем извлек из кармана носовой платок, стер белое пятно и огляделся по сторонам.

К речке, стуча копытцами и бляя, спускалось уже виденное им стадо, а сзади шествовал смуглый курчавый мальчуган, лет двенадцати, наигрывая на свирели.

– Настоящий фавн*, – залюбовавшись пастушком, изрек Веселов, и направил туда свои стопы.

Увидев подходящего к нему незнакомца, мальчик прекратил игру и с интересом на него уставился, а Олег произнес слова приветствия, на что тот весело ответил.

– Скажи мне парень, – закурив сигарету, – поинтересовался Веселов, – ты не знаешь, где может быть доктор? – и показал в сторону дома.

– Еще бы! – ослепительно улыбнулся тот, – дон Антори сидит в тюрьме в Парме, за неуплату налогов.

– Как в тюрьме? А когда выйдет? – сделал большие глаза экс-шпион, и отпихнул от себя бородатого козла, который принялся жевать его брюки.

– Падре Антонио сказал завтра, – дал пинка наглецу мальчик, – а он все знает.

– А кто эта старая мегера, что так неприветливо меня встретила?

– Его мать, донна Крисченца.

– Они что, из дворян?

– Да, синьор, когда-то вся эта долина принадлежала семье Антори, потом уже нет, а теперь у них остался только этот большой дом, где живет маленький фашисто.

– Фашисто? – высоко вскинул брови Веселов. – Давай дальше, это интересно.

А может и нет, – почесав ногу о ногу, продолжил мальчик. – Так говорят люди в селении.

Полученная информация прибавила Веселову оптимизма, и, сунув в чумазую ручонку купюру, он направился к машине

– Так, – думал экс-шпион, – клиника найдена, доктор действительно существует, и у него есть «маленький фашисто», – что весьма интересно.

Затем он вернулся в Парму, плотно пообедал, и, переодевшись, решил осмотреть красоты города (для полноты ощущений).

Для этого, выяснив у портье, где находится ближайшее туристическое бюро, Олег добрался туда на городском транспорте, уплатил в кассу небольшую сумму, и вскоре, в составе французской группы, катил по улицам города на экскурсионном автобусе.

Бойкая девица – гид, экспрессивно живописала красоты города, лягушатники вертели головами и щелкали фотокамерами, «Поль Ферье» чавкал жвачкой с ментолом и внимательно слушал.

У кафедрального собора автобус остановился, Пипита – так звали гида, пригласила туристов к выходу и те, оживленно переговариваясь, прошли вслед за ней внутрь грандиозной постройки.

– Перед вами, господа, – обернулась Пипта к экскурсантам, – архитектурный символ нашего города, кафедральный собор Санта-Мария-Ассунта. Его начали строить в 1092 году, так что этому памятнику истории уже около тысячи лет.

За это время интерьер и экстерьер собора претерпели немало изменений, однако свою культурную ценность он не утратил. Вокруг, – артистически обвела Пипита рукой по периметру, – нетленные скульптуры Ангелани, купольное пространство (все задрали головы), украшают фрески Аллегри да Корреджо, неф выполнен гениальным итальянским мастером Гамбара.

Далее последовал пространный экскурс в историю и описание связанных со святым местом событий, имена посещавших его великих людей и прочее.

– М-да, – мелькнуло в голове у «Ферье», – это тебе не новодел вроде храма Христа Спасителя. История.

После этого ему стало обидно за Россию, и Веселов стал созерцать бюст застывшей рядом в экстазе молодой француженки.

А вот сиськи у наших баб лучше, – снова мелькнуло в голове, и настроение улучшилось.

Спустя некоторое время, чирикающая как воробьи и рассыпающая во все стороны блицы*, группа снова погрузилась в автобус, и он доставил экскурсантов к герцогскому дворцу Палаццо-делла-Пилотта, построенного во времена Фарнезе.

Как рассказала гид, свое название он получил в честь баскской игры «пилота», которой предавались герцоги со своими любовницами, и состоял из целого лабиринта залов, переходов и внутренних двориков.

– Херня, – неожиданно сказал соседу один из французских туристов на русском языке, – мой под Парижем лучше. – Да и мой в Салониках, – ухмыльнулся тот. – Что ж мы, зря паримся в Государственной Думе?

– Не жалеет мы себя, ох не жалеет, – вздохнул первый, и оба рассмеялись.

«Слуги народа», понял Веселов и ему захотелось набить соотечественникам морды. В благодарность, так сказать, от народа.

Но миссия этого не позволяла, что было весьма прискорбно.

Затем последовали губернаторский дворец, церковь Сан-Джовани Евангелиста, восьмигранный баптистерий и другие достопримечательности (всего их было восемь), и на закате дня Веселов вернулся в гостиницу переполненный впечатлениями.

Ночью ему снились дворцы, фашисты и встреченные депутаты. Последние висели на фонарях. И тихо раскачивались.

Проснувшись утром с изрядным зарядом бодрости и решив не торопить события, вторую попытку встречи с доктором Антори, Веселов предпринял после полудня.

В этот раз она удалась. Прокатившись с ветерком и спустившись в уже знакомую долину, он подрулил к «Ospedale» и длинно просигналил. Затем взбежал по ступенькам и позвонил в дверь. Почти сразу ее окошко отворилось, в нем возникла та же старуха и поинтересовалась, – что нужно?

– Я был у вас вчера, донна Крисченца, – ослепительно улыбнулся экс-шпион. – Мне бы господина Антори.

– Сегодня не вчера, – проскрипела донна, потом в двери провернулся ключ, и она чуть отворилась.

– Заходите, – подозрительно оглядев незнакомца, чуть посторонилась старуха.

Веселов вошел, мегера снова заперла дверь и, приказав следовать за собой, двинулась вперед через полутемную приемную.

На ее стенах висели картины старых мастеров, в стрельчатые, с цветными витражами окна, призрачно струился свет, а вверху пыльно отсвечивала венецианского стекла люстра.

– Этот дом знал лучшие времена, – подумал Веселов, и они стали подниматься по широкой лестнице.

В отделанный мрамором зал второго этажа, с засохшей пальмой, уставленный зачехленной мебелью, выходили несколько дверей, и старуха указала на первую.

– Хозяин там, – сказала она и удалилась по исчезающему в полумраке коридору.

Гость постучал в дверь костяшками пальцем, и из-за нее глухо донеслось, – энтри.

Он вошел и был поражен необычностью того, что увидел.

Вдоль боковых стен обширного, с прозрачным куполом помещения были расставлены многочисленные стеллажи, уставленные подобием аквариумов, в которых застыли самые различные человеческие и животные эмбрионы, на пробирных столах в центре высились целые батареи всевозможных колб, блестели никелем микроскопы и неизвестного назначения приборы, а рядом стояли муляжи людей и несколько скелетов.

– Я вас слушаю, – возник из ниоткуда рослый человек в белом халате, и экс-шпион поразился еще больше (он был удивительно похож на известного советского актера Пороховщикова).

– Дон Северино Антори? – потряс головой Веселов, пытаясь избавиться от наваждения.

– Именно, – последовал ответ. – Чем обязан?

– Я к вам из Англии, от известного русского бизнесмена Бориса Березовского, – значительно произнес гость и стал ждать реакции.

Антори – Пороховщикова кивнул породистым лицом и на минуту задумался.

– Это тот, который мошенник и бандит? – уставился он на посетителя стальными глазами. – О нем, насколько знаю, писала наша пресса.

– Ну, зачем же так сразу, бандит, – сделал постное лицо гость. – Наоборот, мой патрон кристально честный человек и к тому же очень набожный. Почему и прислал меня к Вам, с весьма ответственным и угодным Богу поручением.

– Вот как? – бесцветным голосом произнес доктор, – в таком случае излагайте, я весь внимание.

Далее Веселов сообщил о желании Бориса Абрамовича возродить Святого Патрика из его мощей, после чего назвал половинный размер вознаграждения.

На лице эскулапа появился интерес, и он несколько оживился.

Затем Антори пригласил гостя в совмещенный с лабораторией кабинет, и они уселись в кресла друг против друга у небольшого столика.

– А чем примечателен этот святой? – потянувшись к высокой бутылке, наполнил золотистым вином два бокала доктор. – Рекомендую, – протянул один Веселову, – настоящая «альбана».

– Отличное вино, – отхлебнув глоток, сказал экс-шпион. – А теперь о Патрике.

Это христианский святой, покровитель Ирландии и Нигерии. Весьма почитаем католиками и протестантами. Ему посвящено множество соборов и церквей по всему миру. Наиболее известная – собор Святого Патрика в Дублине, построенный в 1191 году. Единственно надежным источником биографических сведений о нем, является исполненный самим автором трактат «Исповедь», а также «Послание к воинам некоего короля Коротика. Вот все, что мне известно.

– Г-м, ничем не примечательный святой, – саркастически улыбнулся доктор. – Для чего он нужен вашему олигарху?

– Патрон будет с ним молиться, – ответил гость. – За здоровье королевы Елизаветы.

– Благое намерение, – посмаковав вино, кивнул Антори. – Я возьмусь за это дело. Когда вы сможете доставить мощи?

Столь быстрое согласие насторожило Веселова, и он с сомнением взглянул на эскулапа.

– Я вижу в ваших глазах недоверие, мой друг, – рассмеялся тот, и готов представить доказательства.

Вслед за этим дон опорожнил бокал, встал из кресла и предложил гостю следовать за собой.

Выйдя из кабинета и миновав лабораторию, они прошли по коридору, затем спустились вниз по лестнице, вышли из дома и оказались во внутренней части усадьбы.

Она была размером в несколько гектаров, окружена высокой, увитой плющом каменной стеной, с современным кубическим зданием в левой части, хозяйственными постройками справа, бющим в центре фонтаном и расположенным за ним живописным парком.

На садовой скамье у фонтана сидела и читала книгу девушка, а по посыпанной речным гравием дорожке задумчиво прохаживался мальчик лет пяти, в шляпе с галстуком и костюме взрослого.

– Дуче, позвольте вас на минуточку! – окликнул его Антори, после чего мальчик обернулся, хмуро взглянул на мужчин и с достоинством направился в их сторону.

– Позвольте вам представить Поля Ферье из Англии, – почтительно обратился к нему доктор.

– Позволяю, – величаво кивнул шляпой мальчик и пронзительно уставился на посетителя.

– Как там старушка Англия? – пропищал он вслед за этим, после чего оттопырил губу и заложил руку за лацкан пиджачка.

– Благодарю, вас, – принимая тон доктора, и ничего не понимая, озадачено ответил Веселов. – Здравствует.

– А кто там сейчас правит, король Георг? – поинтересовался мальчик. – Старая скотина.

– Н-нет. Он давно умер, правит Елизавета.

– Антори, почему я не знаю об этом? – нахмурился мальчик. – Хочешь, чтобы тебя повесили?

– Виноват, дуче, – сокрушенно вздохнул доктор. – Простите.

– Я должен знать все, что происходит в мире! – выпятил животик ребенок. – Грядут великие времена, мир скоро вздрогнет от топота сапог наших чернорубашечников! – продолжил он с пафосом. После чего заорал «Да здравствует дуче!», – и выбросил вверх ручку.

– Однако, – пробормотал Веселов, – не иначе это клон Бенито Муссолини. И вспомнив интервью Антори, данное в свое время журналистам, подумал, – а где же еще двое?

Словно прочтя его мысли, эскулап тихо сообщил, что есть еще клоны – мальчик и девочка. Но поскольку их накладно содержать, дети отданы до времени в приют. На воспитание.

– Мы можем идти? – вслед за этим спросил он у малыша, который уперев в бока руки, разглядывал сидящую на дереве ворону.

– Можете, – по – королевски кивнул тот. – И вот еще, – повернул голову к Антори. – Мне уже неделю не дают мороженого, а Инес, – ткнул пальчиком в сидящую на скамейке девушку, – визжит, когда я щиплю ее за попку. Прикажи малышке больше этого не делать!

– Я все сделаю, – приложив к груди руку, склонил голову Антори, после чего «Первый маршал империи*», неспешно удалился в сторону фонтана.

– Ну а теперь снова прошу в мой кабинет, – сделал жест в сторону двери доктор. – Оговорим все, касающееся вашей темы.

Они вновь вернулись назад и уселись в кресла. Доктор с сожалением понюхал бутылку (вина в ней больше не было), а Веселов, испросив разрешения, закурил и выдул вверх струю дыма, – могу я задать еще пару вопросов?

– Естественно, – пожал плечами, доктор. – Задавайте.

– Почему именно Бенито Муссолини, а не кто другой? – поинтересовался экс-шпион. – В истории Италии много выдающихся личностей.

– Он близок мне по духу и морали, – последовал ответ. – Я за Великую Италию. Без развратников и воров, вроде нынешнего Берлускони.

– Ясно, – кивнул головой гость, – а теперь второй. Судя по виду, клиника переживает не лучшие времена, вас лишили практики?

– О нет, – рассмеялся Антори. – Все гораздо прозаичнее. Эти бездари в очередной раз повысило налоги, я отказался их платить (пациентов стало меньше) и меня на месяц упекли в тюрьму, всего-навсего. Еще вопросы есть или перейдем к делу.

– Перейдем, – с готовностью ответил гость, и они оговорили предмет сделки.

Согласно ее условиям, Антори принимал на себя обязательство начать работы по производству из мощей Патрика нового святого, как только вторая сторона доставит их эскулапу, и выплатит задаток в половину ранее озвученной суммы.

– Мне необходимо переоснастить клинику и отозвать из бесплатных отпусков персонал, – разъяснил необходимость задатка доктор.

Вторая часть суммы выплачивалась после представления готового образца и подписания акта приемки, все оформлялось контрактом.

– Как понимаете, он конфиденциальный, – высказал обязательное условие Веселов. – Святых, кроме церкви, делать запрещено.

– Я умею хранить тайны, – улыбнулся эскулап. – Можете не сомневаться.

– Кстати, а сколько работа займет времени? – задал очередной вопрос посланник олигарха. – Мой патрон любит, чтобы все делалось быстро.

– Один год, и вы получите маленького Патрика.

– Такого как юный Муссолини?

– Да, и с адекватным сознанием из прошлой жизни.

– А нельзя ли сразу взрослого? (Веселов знал, что Березовский не любит детей, хронически).

– Почему нельзя, можно. Мой метод предусматривает и такое. Но это обойдется вашему хозяину на пару миллионов дороже, – откинулся в кресле доктор. – Сами понимаете, затраты и все такое.

– Экс-шпион быстро прикинул сумму (он уложился в семь), и остался весьма доволен. Борис Абрамович ценил бережное отношение к капиталам.

Затем высокие стороны распрощались, творец клонов лично проводил гостя до автомобиля и тот, махнув ему на прощание, – арривидерчи! – пустился в обратный путь.

Вечернее солнце клонилось к западу, причудливо освещая засыпающую долину, с зеленых отрогов к селению спускалось стадо, и от него едва слышно доносились звуки свирели. Древние как сам Мир. И печальные.

Глава 3. Тайная миссия

Над Лондоном клубился туман, из него сеял мелкий дождь, было сыкотно.

– Ну и страна, поежился Веселов, садясь в черное такси-кэб на стоянке и бросил водителю, – в Элмбридж приятель.

– Слушаюсь, сэр, – ответил тот и включил счетчик.

За окном замелькали городские кварталы, потом пригород, и автомобиль выехал на пока еще пустынную автомагистраль.

До Элмбриджа, где располагалось поместье Березовского, было двадцать семь миль, гул мотора навевал дрему, и Веселов зевал, было раннее утро.

Час назад он приземлился рейсом из Рима в аэропорту Хитроу, получил багаж (в пластиковой коробке лежали специально купленные для шефа знаменитый пармезан, а также несколько бутылок кьянти) и теперь спешил доложить о своей удаче.

Вскоре такси свернуло на частную дорогу и покатило среди холмов графства.

Затем из тумана возникла резиденция олигарха, автомобиль встал перед въездом в усадьбу, Веселов расплатился, дав шоферу на чай, и прихватив кофр с коробкой, бодро зашагал по аллее в сторону дома.

– С возвращением, – возник из-за ближайшего дерева секьюрити в прозрачном плаще с капюшоном (помимо видеонаблюдения, на всех ста семидесяти двух акрах владения бдила охрана – хозяин боялся длинных рук Москвы).

– Привет, – кивнул Веселов. – Как обстановка?

– Все окей, Олег Иванович. Несем службу.

– Ну- ну, – сказал начальник и пошел дальше.

Войдя в роскошный холл, он разнес второго стража, тот храпел в кресле, затем прошел в свою, расположенную неподалеку комнату, принял душ и привел себя в порядок.

Когда часы в холле пробили десять, Веселов захватил презент, поглядел на себя в зеркало (все ли в порядке), вышел из комнаты и поднялся по мраморной лестнице на второй этаж в апартаменты шефа.

Борис Абрамович сидел в кресле, листал утреннюю Таймс и прихлебывал горячий кофе.

– Явление Христа народу! – выпучил он глаза. – Не ожидал тебя так скоро.

– Рад вас приветствовать, экселенц! – бодро изрек Веселов. – Задание выполнено.

– А это что? – подозрительно покосился олигарх на коробку и опасно втянул голову в плечи.

– Пармезан и кьянти для вас, – осклабился экс – шпион. – Прямым рейсом из Рима.

– Спасибо, – вернулась на место голова – отдашь на кухню, а теперь присаживайся и давай к делу.

«Мажордом» поставил презент на ковер, уселся к приставному столу и подробно рассказал о визите.

Согласие Антори заняться мощами Березовский воспринял бурно и, вскочив, забежал по кабинету, потирая руки.

– А пацан, это того, не подстава? – просеменил к Веселову и заглянул тому в глаза. – Сейчас верить никому нельзя, кроме меня, конечно.

– Обижаете, Борис Абрамович, привстал со стула экс-шпион. – То был настоящий клон, поверьте моему опыту.

– Верю, верю, – похлопал его рукой по плечу олигарх и снова уселся в кресло.

Далее Веселов положил на стол отчет о командировке (шеф был пунктуален в финансовых делах), а рядом оставшиеся евро.

– Забери себе, – сделал величавый жест патрон, – в качестве премии. А теперь иди, будешь нужен, вызову.

– Слушаюсь, – ответил Веселов, после чего встал и, прихватив коробку, с чувством выполненного долга направился к выходу.

Когда за ним закрылась дверь, Березовский мечтательно уставился в широкое окно кабинета, потом громко сказал, – лед тронулся, господа! – и стал давить бриллиантовые кнопки на своем мобильном.

Вслед за мелодичными гудками вызова последовал тихий щелчок, в ухе бодро запело «мальчик хочет в Тамбов, ты знаешь чики-чики-чики-чики-та! и Березовский саркастически ухмыльнулся – тебе лучше в Лефортово*.

– Рад слышать, Борис Абрамович, весь к вашим услугам, – вкрадчиво прозвучало после, и человек Мира довольно хрюкнул. Он любил услуги.

– Я знаю Шурик, ты поиздержался, готов выручить, приезжай – промурлыкал он в микрофон и отвел трубку от уха (та захлебнулась благодарностями).

– Жду сегодня в 20.00 – переждав минуту, – сказал Борис Абрамович, после чего отключился.

Шурик, а официально Александр Сергеевич Оборзеев, был вторым секретарем посольства России в Великобритании (эту скромную должность купил ему папа – заместитель губернатора одной из областей на Волге), очень любил оторваться после службы в лучших ресторанах и казино Ислингтона, а посему всегда нуждался в деньгах и был давно на кормлении у мастера интриг и тайных операций.

Регулярно поверяя ему тайны российской дипломатии, поставляя для интимных утех девиц легко поведения и выполняя другие, столь же ответственные поручения, Александр щедро получал за свои услуги и готов был продать даже посольство. Если б ему позволили.

Когда чахлое солнце окрасило бледными красками поросшие вереском холмы графства, к усадьбе опального олигарха подкатил скромный «лексус» (подаренный папой ручной сборки «бентли» накануне был проигран в рулетку), из него вышел хлыщеватый молодой человек в дорогом костюме, и, бросив дежурному секьюрити, – привет, лишенец! – гордо проследовал внутрь дома.

Там его встретил лакей во фраке, оба поднялись по лестнице на второй этаж, и тот провел гостя в кабинет хозяина.

– Ну, Шурик, что у нас нового по линии дипломатии? – обменявшись с тем рукопожатиями, кивнул человек Мира Оборзееву на кресло.

– Да как сказать? – закинул тот ногу на ногу и покачал лакированной туфлей – В стране началась борьба с коррупцией.

– Это ж надо! – притворно удивился олигарх. Все-таки началась? Удивительно.

– А то, – многозначительно изрек Оборзеев. – К нам поступила секретная шифровка. Установить счета в английских банках и элитную недвижимость всех наших слуг народа и чиновников. После чего довольно ухмыльнулся. – Их потом будут «мочить в сортире». Избирательно.

– Избирательно они могут, – обижено засопел Борис Абрамович, – суки. Что еще? Давай, Шурик, телись. Я весь внимание.

– Недавно к послу навевался Гусинский, – повертел перед глазами полированными ногтями дипломат. – Интересовался, кому и сколько нужно дать, чтобы вернуться в Россию.

– Не наворовался гад, – оскалился бывший друг, – давай дальше.

– Шеф связался с Кремлем, оттуда ответили – все. – И чтоб прилюдно покаяться.

– Ясно, решили ободрать, а потом обуть – ухмыльнулся искушенный интриган. – Ну и что Гусинский?

– Пустил слезу и поехал думать, – пожал плечами Шурик. – Вы же знаете, он человек искусства и очень впечатлительный.

Затем Оборзеев просительно уставился на олигарха, и тот метнул ему через стол банковскую карту «Хоум кредит», – держи, здесь триста фунтов.

– Всего триста? – сделал несчастное лицо сановный отпрыск, – дайте хотя бы пятьсот, – после чего обижено шмыгнул носом.

– И этого много, – забарабанил по столу пальцами Борис Абрамович. – Твоя информация, ничего не стоит. А теперь у меня к тебе деловое предложение, – гипнотически уставился он на Оборзеева – Цена, миллион британских фунтов.

При этих словах Шурик сглотнул слюну и наклонился вперед, – сколько?

– Я же тебе сказал миллион, олух, или непонятно?

– Понятно, – тяжело задыхался любитель красивой жизни. – Что надо сделать?

– Всего ничего, поехать в Россию и доставить мне оттуда кости Сталина, – мистически прошептал человек Мира и посмотрел на Оборзеева как удав на кролика.

– С-т-талины? Зачем? – испуганно вжался Шурик в кресло.

– Не твое собачье дело! – рассердился олигарх. – Так согласен или нет?! Иначе я найду другого!

Предложение было заманчивым, но опасным, (в случае провала можно было загреметь под фанфары), но за такие деньги Шурик был готов привезти хоть черта, и он принял решение.

– С-согласен, – клацнул челюстями. – Я это сделаю.

– Ну, то-то же, – благодушно захихикал Борис Абрамович. – А теперь слушай план действий.

Далее последовал план, вкратце состоявший в следующем.

Оборзееву надлежало под видом командировки срочно вылететь в Россию, найти в Москве нужного человека и вместе с ним проверить дело.

– А кости провезешь под видом дипломатической почты, как водку и икру, что доставляешь шефу от папы, – завершил его Борис Абрамович. – Вопросы?

– Каков порядок расчетов? – алчно облизнулся Шурик. – В смысле, когда я смогу получить деньги?

– После завершения работы, мой друг. Как только все будет у меня. Не раньше.

– А на расходы?

– Вот, – извлек из кармана олигарх черный замшевый мешочек и вынул из него два бриллианта. – Они стоят пятьсот тысяч.

Затем он передал камни Оборзееву, тот бережно спрятал их в бумажник и поместил во внутренний карман, – они будут греть мне сердце.

– А я молиться за тебя, – прокаркал пламенный революционер. – И смотри, проболтаешься кому-нибудь, оторву голову!

В то, что сделать это Борис Абрамович может, Шурик не сомневался (тому было ряд примеров) и, сделав честные глаза, ответил, – могила!

После этого обе стороны весьма удовлетворенные друг другом расстались, и события стали развиваться дальше. Как того желал человек Мира.

Следующим утром, зайдя в кабинет посла (тот мучился глубоким похмельем после очередного раута), Оборзеев сообщил, что ему срочно нужно в Москву. Дней на десять.

– С какого это перепугу? – высосал тот стакан растворенного в боржоме «терафлю» и прислушался к себе – голова стала трещать меньше.

– Нужно получить кое-какую почту в МИДе, а заодно доставить вам презент – двадцать кило паюсной икры и водку от папы.

Почта главу ведомства интересовала мало, в ней писали много и бессмысленно, а вот водка и икра весьма. У него намечалась встреча с консулом Маврикия, где посол собирался прикупить коралловый островок с лагуной и презент пришелся бы как нельзя кстати.

– Ладно, дуй, – набулькал он второй стакан и бросил в него шипящую таблетку. – Но через неделю, чтобы был здесь как штык. Ты меня понял?

– Понял, – изобразил на лице почтение Оборзеев. – Разрешите идти?

– Идите.

Спустя несколько часов Шурик сидел в самолете, совершавшем чартерный рейс Париж – Лондон-Москва и под гул турбин ломал голову, как умыкнуть кости «отца народов».

Ничего умного туда не приходило, он нажал кнопку вызова, и заказал у стюардессы два виски.

Подкрепившись, Шурик снова напряг мозги, в них закрубились временные связи и выдали имя – Рафик.

С Рафиком, а точнее Рафаэлем Акперовым, он познакомился пару лет назад, проводя отпуск на Багамах, тот служил мелким начальником в кремлевской администрации, понемногу приворовывал и мечтал стать более крупным.

– Если предложить сыну гор бриллианты, непременно согласится, – подумал Оборзеев и вздохнул. Ему было жаль камней.

Когда самолет приземлился, секретарь посольства прихватив кейс, вальяжно спустился по трапу, вместе с другими пассажирами доехал до таможенного терминала, а затем, предъявив удостоверение освобождающее от досмотра, проследовал через зал для «вип-персон» наружу.

Там, на мельтешащей «бомбилами» стоянке, он сел в желтое такси (служебное авто Шурику не полагалось) и, развалившись на сидении, бросил водителю, – на Преображенку.

На Преображенской площади находилась гостиница дипломатической академии МИДа, где Оборзеев заблаговременно заказал номер.

За окном поплыли виды Подмосковья и громадные рекламные плакаты на щитах МКАД, типа «любые прихоти за ваши деньги».

По зауженной бывшим мэром кольцевой, в Первопрестольную катили стада большегрузных «вольво», «рено» и «манов» с заморскими товарами, которых требовали ее все растущие аппетиты.

– Молодец все-таки Юрий Михалыч, – умилился про себя Оборзеев. – Спер двести пятьдесят миллиардов и свалил со своей гермафродитшей в Австрию. Вот бы и мне так.

Далее началась Москва, и авто поползло в потоке машин, сказывались пробки.

Наконец, спустя час, такси припарковалось у нужной площади, Шурик расплатился, после чего, прихватив кейс, направился к гостинице.

Чуть позже, устроившись в казенного вида люксе, Шурик звонил по мобильному Акперову.

Тот оказался на месте, весьма обрадовался, и Оборзеев предложил деловую встречу.

– Давай в 20.00 у Тенгиза, – с готовностью согласился Рафик. – У него сегодня халяльный стол, а после него кальян и девочки.

– Идет, – рассмеялся Шурик. – Только как это совмещается?

– Э, даргагой, – в Москве совмещается все, лишь бы хорошо платили!

Вечером, когда на столицу пали сумерки и на Тверской запорхали «ночные бабочки», а казино и рестораны наполнились бандитами и уставшими от государственных дел чиновниками и депутатами, Оборзеев на бомбике подъехал к расположенному на Кузнецком мосту в укромном месте ресторану, с вывеской «Сказки Шехерезады».

Он принадлежал шурину Рафика – Тенгизу, в прошлом сутенеру и известному карточному шулеру, а теперь благопристойному бизнесмену, раз в год совершавшему хадж в Мекку.

На входе гостя встретил сам Рафик, они трогательно коснулись друг друга щеками, после чего уединились в отдельном кабинете.

Там уже был накрыт стол на двоих, откуда-то тихо лилась восточная музыка, все располагало к культурному времяпрепровождению.

– Ну, за встречу! – наполнив бокалы семизвездным «Каспием», провозгласил Рафик тост, и они хрустально звякнули.

Затем была отдана дань халяльному шашлыку из мяса снежного барашка, и последовал второй – под малосольную севрюгу с лимоном и оливками.

– А теперь, брат, давай перейдем к делу, – промокнул Шурик масляные губы накрахмаленной салфеткой. – Слушай меня внимательно.

По мере изложения вопроса, брови Акперова все выше ползли вверх, узкие глаза округлялись, а когда Оборзеев закончил, он повертел головой и громко произнес, – вах! – что означало высшую степень удивления.

Как многие сыны Колхиды*, Акперов весьма почитал великого грузина и даже гордился им. В горах всегда любили силу и жестокость.

– Нехорошо так с товарищем Сталиным, тем более он мой земляк, – голосом Фрунзика Мкртчяна произнес Рафик и подвинул гостю вазу с фруктами, – виноград хочишь?

– Нет, – последовал ответ, после чего Шурик извлек из кармана бумажник, и положил перед собеседником весело блеснувшие бриллианты, – это за выполнение работы.

– Сколько стоят? – оживился тот и, осторожно потрогал камни пальцем.

– Миллион фунтов стерлингов, – завысил вдвое цену Оборзеев. – Естественно британских.

После этих слов почтение и гордость за земляка куда-то испарились, Акперов вспомнил, что он кровавый тиран, немного подумал и дал согласие.

Дело упрощалось тем, что по роду своей деятельности он ведал ремонтами Кремля, и накануне там началась очередная реставрация.

Она предусматривала починку наружных стен, и в том числе прилегающего к ним колумбария*, где в числе прочих партийных деятелей, был захоронен «отец народов».

– Я в тебе не сомневался, брат, – подвинув один из бриллиантов Рафику, спрятал оставшийся в бумажник Шурик. – Второй получишь, когда артефакты будут у меня. А теперь давай выпьем. И выдал очередной тост, – за процветание России!

Потом курили булькающий сиреневой водой кальян с травкой и созерцали танец «гурий», а к утру, изрядно набравшегося Шурика, доставили на «хаммере» в гостиницу.

«Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин!
И первый маршал в бой нас поведет!»

пьяно орал он, когда два охранника из ресторана заносили тело в номер.

На следующий день Оборзеев навестил МИД, где отметил командировку, потом накрыл стол в «Метрополе» курирующему замминистра, и с его позволения отправился навестить родителей в губернский город.

Там он несколько дней дегустировал продукцию папиного спиртзавода (помимо государственного, тот имел личный бизнес), а заодно охотился и парился в саунах с его приятелями – начальником УВД и прокурором, после чего, затарившись икрой и водкой, убыл в столицу.

А спустя двое суток, когда Шурик продувал в игорном казино на Новом Арбате полученную от папы сумму на новый «бентли» (насчет старого он впарил родителю, что его взорвали ирландские экстремисты), ему позвонил Рафик и сообщил что дело сделано, груз можно забирать.

– Ты настоящий патриот, – с чувством сказал Шурик и проиграл все что осталось. Для полноты ощущений.

Вечером они снова встретились в том же месте, и Рафик предъявил заказчику чемодан. Небольшой, импортный, с выдвижной ручкой и колесиками.

– Он там, – ласково погладил рукой черную кожу, – давай камешки, брат, как договорились.

– Нужно убедиться, весь ли, – недоверчиво покосился Шурик на Рафика. – А вдруг чего не хватает?

– Обижает, – обиделся тот, и, водрузив чемодан на стол, раздернул молнию.

Под крышкой, в прозрачном полиэтиленовом мешке, желтели разнокалиберные кости и череп, с остатками маршальского мундира и шевровых ботинок с истертыми подошвами.

– Точно он, – с мистическим страхом произнес Оборзеев. – А ботинки то того, старые.

– Великий человек был, но честный, – воздел над головой палец Рафик, и приятели переглянулись, им стало немного стыдно.

– Кстати, а зачем тебе товарищ Сталин? – поинтересовался после короткого молчания Рафик. – Скажи, прощу как брата.

– Я хочу спасти его от происков сионистов из «Мемориала», – прошептал ему на ухо Шурик. – Они хотят его продать его фонду Сороса.

Когда срок командировки истек, изрядно отягощенный «диппочтой» Оборзеев, минуя таможенный досмотр, вылетел в Соединенное королевство, а Рафик продолжил реставрацию Кремля, оценив все оставшиеся могилы. Вдруг кому понадобятся.

Все это время Бориса Абрамовича по ночам мучили кошмары. То ему чудился Оборзеев, попавший с грузом в руки чекистов и выложивший все на допросе, то проклинавший его обманутый святой Патрик, а в одну из ночей приснился САМ, он делал из олигарха колбасу вместе с Муссолини.

– Не к добру это, – думал по утрам пламенный революционер. – Не иначе Шурик засыпался.

И какова же была его радость, когда, наконец, тот позвонил и сообщил, что миссия выполнена, после чего часто задышал в трубку.

– Я верил в тебя, – от избытка чувств, прослезился олигарх. – Скорее приезжай, награда ждет героя.

На следующий день бесценный артефакт был доставлен к нему на виллу и осмотрен.

– Это точно Сталин? – вопросительно уставился Борис Абрамович на Оборзеева. – Не привез ли ты мне туфту, Шурик?

– Век воли не видать! – сделал оскорбленное лицо дипломат и перекрестился.

– Смотри, я скоро буду точно знать, – извлек чековую книжку олигарх и учинил в ней распорядительную надпись

Потом вырвал листок и передал Оборзееву, – держи, здесь как договаривались, миллион, и никому ни слова. Надеюсь, ты меня понял?

– Понял, – трясущимися руками принял чек Шурик и по-собачьи предано заглянул благодетелю в глаза. – А может вам доставить прах Ельцина?

Глава 4. Накануне

Получив заветный груз, Борис Абрамович развил бурную деятельность по его доставке в Италию. Мощам предстояло пройти двойной пограничный и таможенный контроль, что несколько затрудняло ход операции.

Но, как известно миром правят деньги, и спустя месяц вопрос был решен положительно.

Задействовав одного из своих маститых адвокатов и снабдив его изрядной суммой, Березовский получил от английских властей и посольства Италии разрешение на вывоз туда для археологических исследований, якобы обнаруженных на его усадьбе останков римского легионера. Соответствующие документы на это тоже имелись.

Такая прихоть русского олигарха ни у кого не вызвала сомнений (у других бывали и покруче), и вскоре небольшой металлический контейнер с «римским воителем» в сопровождении Бориса Абрамовича и Веселова, помещенный в багажный отсек «Боинга», летел из аэропорта Хитроу, со скоростью пятьсот миль в час, в направлении Апеннинского полуострова.

За иллюминатором ровно гудели турбины, «Пол Ферье» сидел в кресле рядом с патроном и осмысливал все то, что услышал от него накануне вылета.

Борис Абрамович посвятил экс-шпиона в свои планы, назначил куратором проекта по воссозданию Сталина и обещал не забыть, когда станет российским президентом.

Любому другому все это показалось бы плодом большого воображения, но только не искусственному в тайных операциях бывшему разведчику.

Как и многие люди его профессии, Веселов считал любое, самое фантастическое предприятие выполнимым, о чем свидетельствовала обширная история шпионажа, был романтиком и авантюристом, а также верил в свою счастливую звезду.

Из всех, кому он служил в последнее время, опальный олигарх был самым умным и умевшим из ничего сделать нечто. Он не считался ни с какими условностями при достижении цели, имел железную хватку и хорошо платил, что Веселова вполне устраивало.

Сказывалась и обида. Той страны, в которой он вырос, больше не было, а новая превратилась в нефтегазовую трубу, куда исправно и вылетала.

– Ладно, еще не вечер, пробормотал – экс-шпион и погрузился в сон. У него были крепкие нервы...

Утром по автостраде Рим-Парма несся черный шестисотый мерседес, за рулем которого сидел «Поль Ферье» и бодро насвистывал «Марш славянки».

На заднем сидении авто, вальяжно развалившись, созерцал открывающиеся пейзажи Борис Абрамович, а в багажнике покоился контейнер с «историческими останками».

У знакомого кафе-пиццерии Веселов остановился и вышел из машины.

– Мы можем здесь отлично перекусить, экселенц – сказал он. – Прошу вас, – и открыл заднюю дверцу.

– Это не помешает, – согласился, выбираясь из салона Березовский. Он любил поесть и выпить на свежем воздухе.

На площадке под тентом все также пустовали столики, а из открытой двери звучала все та же песенка.

– Хорошо поют – умилился Борис Абрамович. – Русские?

– Ну да, – кивнул Веселов, – хозяйева кафе тоже. – Кстати, отличные парни.

Затем он предложил олигарху занять любой из столиков, и, раздвинув бамбук шторы, ступил в прохладный полумрак, – привет бандиты!

– Привет, – ответил сидевший у стойки парень, вертя на пальце четки. – Все ездешь?

– Так получается, – пожал плечами экс-шпион, после чего сделал заказ Вовану.

Спустя непродолжительное время пара с удовольствием подкреплялась горячей пищей и карпаччо, запивая их пахнущим фиалкой кьянти. Высоко в синем небе кувыркался жаворонок.

Когда светило стало опускаться к горизонту, вояжеры заночевали в мотеле, где Веселов уже останавливался, захватили с собой контейнер и, плотно поужинав, завалились спать в отдельных номерах, под стрекот цикад в окружавшей его, апельсиновой роще.

Проснувшись на рассвете и выпив по чашке горячего кофе с булочками, они продолжили путешествие, и к полудню, покачиваясь на выбоинах дороги, мерседес спускался в долину.

Над высящейся вдали горной цепью плыли облака, водопад, искрясь на солнце, прыгал по замшелым камням.

Остановив машину у зеленой изгороди, комбинаторы вышли из нее, Веселов прихватил контейнер, и оба направились к клинике.

Их встретили хитро улыбающиеся лица сатиров, воркование голубей на крыше и истошные женские крики из глубины усадьбы, – Бенито, сейчас же слезьте с дерева!

– Слышите? Это Муссолини, – обернулся экс-шпион к патрону, и тот дернул себя за ухо, – еще бы.

Вслед за этим Веселов нажал кнопку звонка, и минут через пять окошко двери распахнулось.

– Это снова я, донна Крисченца, – сказал он появившемуся там морщинистому лицу. – Вместе со своим господином.

Что-то бормоча старуха отворила дверь, зашаркала вперед, и они поднялись наверх.

– О, господин Ферье! А я вас уже заждался! – встретил гостей в лаборатории Антори, после чего Веселов представил стороны друг другу, и вскоре все сидели в кабинете.

– Так вы тот скандальный миллиардер, о котором так много пишут? – спросил с небольшим акцентом по-русски эскулап и с интересом воззрился на Березовского.

– Это все ложь и инсинуации, – ответил Борис Абрамович. – Откуда вы так хорошо знаете русский?

– Мой отец в ту войну был на восточном фронте. А затем попал в плен и несколько лет восстанавливал шахты в Донбассе. Оттуда он привез неизгладимые впечатления и научил меня языку. Кстати, он созвучен итальянскому.

– Вот и отлично, – довольно потер руки олигарх. – Нам будет легче общаться.

– Ну что же, тогда давайте перейдем к делу. Насколько я вижу, вы привезли исходный материал, – покосился доктор на стоящий у ног Веселова контейнер. – Давайте, синьор Ферье, открывайте.

Экс-шпион взглянул на Березовского (тот кивнул), после чего водрузил контейнер на стол, набрал шифр и щелкнул замками.

Внутри, чисто вымытые и упакованные в пергаментную бумагу, лежали и ждали своего часа артефакты.

– Так, посмотрим, – встав из кресла и развернув упаковку, взял в руки верхний доктор. Это был небольшой череп с пустыми глазницами и хорошо развитой нижней челюстью.

– Для древнего он слишком хорошо сохранился, – с сомнением оглядел «материал» Антори. – Ему лет шестьдесят, не больше.

– Вы правы, – переглянулся олигарх с Веселовым, – это не Святой Патрик.

– Тогда кто? – взвесил на руке артефакт доктор. – Я должен знать, кого делаю.

– Перед вами череп самого товарища Сталина, – тоже встал и торжественно заявил Березовский.

– А также его кости, – добавил Веселов. – В комплекте.

Услышав это имя, Антори наморщил лоб и удивленно произнес, – того самого?

– Пока второго такого нет, – выпятил олигарх подбородок. – Но я очень на вас надеюсь.

– Ну что же, это даже лучше, – повертев в руках череп, положил его на место Антори. – Коммунистический вождь будет достойным дополнением моему Бенито. А теперь давайте оговорим детали, прошу вас, – и снова уселся в кресло.

– Насколько мне известно от синьора Ферье, – кивнул он на Веселова, – вы, господин Березовский, желаете чтобы работа была выполнена быстрее.

– Желательно за год, – последовал ответ, – я за это плачу хорошие деньги.

– В таком случае вы перечисляете половину оговоренной суммы на мой счет в пармском банке, – протянул Антори олигарху извлеченную из кармана бумажку, – а я, получив ее, немедленно начинаю воспроизводства вождя, – ласково погладил рукой череп.

– Завтра деньги будут переведены, – блеснул глазами человек Мира. – Дальше.

– Когда он будет готов, мы встречаемся здесь, и вы принимаете работу. – После этого я передаю вождя, а вы переводите мне вторую часть суммы.

– А если получится брак?

– Это исключено, – дьявольски улыбнулся доктор. – Разве что вы привезли мне не те кости.

– Тогда я привезу тебе череп Шурика, – подумал про себя олигарх, но уверенно заявил, – те, – и улыбнулся аналогично.

– Кстати, – прозрачно глядя на клиента, поинтересовался создатель клонов. – На каком возрасте мне зафиксировать вождя, молодым или вполне зрелым?

– А это будет влиять на его способности и образ мыслей?

– О нет, – рассмеялся Антори, – клон получит их в полном объеме и будет и помнить все из прошлой жизни. Моему Муссолини всего шесть лет, а он готовый политик.

– В таком случае делайте лет на сорок, – с минуту подумав, – сказал Березовский, – это меня вполне устроит.

Далее был оговорен еще ряд вопросов, менее важных, но значимых, и Борис Абрамович возжаждал увидеть маленького клона, о котором столько слышал.

– Нет ничего проще, – согласился Антори и пригласил гостей следовать за собой.

Вслед за доктором они вышли из кабинета, миновав лабораторию, спустились на первый этаж, а оттуда проследовали на открытый воздух.

– Отличный интерьер, – оглядев открывшуюся за домом усадьбу, – оценил ее Борис Абрамович. – Фонтан, лужайка и все прочее. А кто это так кричит? – прислушался к долетавшим из парка воплям.

– Это великий дуче, – улыбнулся Антори. – Упражняется в ораторском искусстве. Пойдемте, я вас с ним познакомлю.

Миновав искрящийся радугой фонтан, все трое проследовали по дорожке и вскоре оказались в тени деревьев.

Под одним из них, раскидистым эвкалиптом, был сооружен невысокий помост с установленной на нем трибуной, за которой стоял юный Муссолини.

На этот раз он был в черной пилотке с кисточкой, такой же рубашке с закатанными рукавами и коротких штанишках.

Внизу, в нескольких метрах от помоста, на скамейке расположились уже знакомые читателю донна Крисченца и Инес, на второй, сзади, двое крепких мужчин, судя по виду, повар и охранник, а впереди всех сидел громадный дог и предано взирал на Бенито.

Малыш только что закончил свою речь ипил воду из стакана, явно намериваясь произвести вторую.

– Присядем, – шепнул Антори, и новые слушатели уселись на свободной скамейке позади мужчин.

В следующую секунду стакан брякнул о трибуну, клон выпятил животик и гордо обозрел аудиторию.

– А теперь я скажу о нашей священной миссии! – театрально взмахнул ручонкой. – Италия должна стать Новым Римом и обрести прежнее могущество! Наши железные легионы снова вторгнутся на пространства варваров, принеся туда римский порядок и плоды цивилизации! Все другие народы будут трудиться на наше благо, а мы разделять и властвовать!

При этих словах публика восторженно захлопала, дог басисто залаял, а малыш выпятил губу и принял позу римского сенатора.

Далее он стал бичевать мировой империализм и коммунизм, а заодно движение геев с проститутками и кабинет развратника Берлускони.

Речь длилась ровно час, а в паузах прерывалась бурными овациями и собачьим лаем.

– Ну и как? – поинтересовался Антори у гостей, когда дуче закончил и сошел с трибуны.

– Впечатляет, – сказал Борис Абрамович, сияя библейскими глазами.

– Особенно в части секс меньшинств, – ухмыльнулся Веселов. – Давно я такого не слышал.

Между тем, Антори сделал знак служащим удалиться и подвел гостей к мальчику.

Тот гладил дога, называя его Адольфом и кормил животное шоколадом.

– Ну, как вам моя речь? – сунув в слюнявую пасть остаток, сказал он и подтянул штанишки.

– Как всегда неподражаемо, великий маршал, – изобразил на лице восхищение Антори. – А теперь разрешите представить вам нашего очередного гостя.

– Вот этого лысого? – покосился Бенито на олигарха. – Первого я уже видел.

– Да, это богатый капиталист из России. Его зовут Борис Березовский.

Услышав свое имя, Борис Абрамович напрягся и угодливо изогнул спину (сказалось вьевшееся в кровь чинопочитание).

– А разве там есть капиталисты? – наморщил лоб малыш. – Когда я вел с ней войну, там правили большевики.

– Теперь их нет, о великий. Коммунистический колос на глиняных ногах рухнул, как и предрекал твой друг Адольф Гитлер.

– Я всегда знал, что так будет! – уперев руки в бока, отставил в сторону ножку Бенито. – Смерть коммунистам и евреям! Да здравствует дуче!

– Что он сказал? – взглянул Березовский на Веселова.

Тот перевел, и олигарх суеверно прошептал, – это точно Муссолини.

Затем гости почтительно распрощались с клоном и вместе с хозяином вернулись в дом, где завершили переговоры. Напоследок стороны обменялись телефонами для поддержания связи, после чего эскулап проводил клиентов, и вскоре черный мерседес утюгом катил в сторону Пармы.

В ней комбинаторы задержались еще на сутки, (олигарх посетил банк и перевел на счет Антори обусловленную сумму), а затем посетили лучший ресторан, где отведали знаменитых пармской ветчины и сыра, запив их изрядным количеством изысканного «амароне». После

этого Борис Абрамович, не так давно разведшийся с очередной женой, возжаждал плотских утех и, когда они вернулись в отель, приказал Веселову организовать двух жриц любви, работавших по вызову.

– А зачем две? – удивился тот. – Одна итальянка в постели стоит трех англичанок. Проверено.

– Вторая для тебя и за мой счет, – заплетаясь языком, ответил олигарх. – Пользуйся, я сегодня добрый.

На следующий день, вполне довольные собой, человек Мира и «Поль Ферье», благополучно отбыли в Лондон.

Там Борис Абрамович, ничтоже сумняшеся стал продвигать свой план дальше и для начала решил отправить Веселова на историческую родину в целях изучения расстановки политических сил, выявления истинной оппозиции и настроений электората. Той информации, что поступала по каналам российских масс-медиа он не верил, поскольку знал – кто платит, тот заказывает музыку.

Бывший шпион с готовностью согласился, ибо располагал информацией, что уголовное преследование в отношении него в России не возбуждалось, работа отечественных спецслужб напоминала броуновское движение*, а по стране бесконтрольно перемещались толпы всякого рода туристов, мигрантов и госарбайтеров.

Спустя неделю, после тщательного инструктажа, получив солидные командировочные и благословение патрона, тайный посланник вылетел в Москву под видом сотрудника Интерпола.

А Борис Абрамович, желая не ударить в грязь лицом перед ожидаемым мессией*, поручил службе немедленно приобрести для него «Капитал» Маркса и полное собрание сочинений Сталина, для их глубокого изучения.

Вопрос оказался на удивление сложным – первый не успевали издавать, ибо он тут же раскупался озадаченными очередным мировым кризисом экономистами, а трудов «отца народов» в Англии не оказалось.

Но деньги решали все. Роскошное издание «Капитала» на русском, вскоре был изготовлено на одной из полиграфических фабрик в Шеффилде, а ПСС* Сталина доставили из Китая, где он почитался наравне с великим Мао.

Борис Абрамович тут же отключил все телефоны, приказал к себе никого не пускать и стал изучать марксистско-сталинское наследие. Ленинское он оставил на потом. Если тот понадобится.

Вскоре он нашел в труде немецкого мыслителя все ответы на то, что происходит в мировой экономике и пожалел, что не знал этого раньше, а в работах Сталина свою программу действий на ближайшую перспективу.

Она была изложена в речи вождя на объединенном пленуме ЦК ВКП(б) от 5 августа 1927 года, касательно оппозиции.

В ней Сталин бичевал Троцкого и Зиновьева, обвиняя тех во всех смертных грехах, призывал покаяться, и грозил партийной ответственностью.

– Ну, прям для меня написано, – потирал руки восхищенный Борис Абрамович.

– Приду к власти и сразу всех «бывших» в оппозицию. А потом в вагоны и на Колыму. А может лучше расстрелять? – задумался.

– Нет, надо быть справедливым, – перелистнул очередную страницу. – Сначала на Колыму, а затем можно и расстрелять. По – тихому.

Через несколько дней пламенный революционер так проникся идеями сталинизма, что приказал изготовить портрет вождя в полный рост и водрузить его на стену рабочего кабинета.

– Ну вот, Иосиф Виссарионович, – любуясь новым кумиром и расхаживая перед ним, довольно изрек Борис Абрамович. – Скоро мы с вами встретимся и обратим все вспять. – Пусть знают, суки – и погрозил кулаком в сторону востока.

А в это же время его тайный посланник Веселов-Ферье, используя приобретенные в разведке агентурно-оперативные методы, изучал истинную обстановку и расклад сил в демократической России.

Прилетев в Москву, он поселился в гостинице «Советской», в свое время воспетой знаменитым бардом и для начала проехался по столице.

Она шокировала каменными джунглями лужковской застройки, стадами медленно ползущих по ним автомобилей, а также муравейником спящих повсюду местных аборигенов и гостей столицы. Короче, все напоминало новый Вавилон.

– М-да, – ностальгически вздохнул экс-шпион. – От старой Москвы ничего не осталось.

Далее он посетил ряд супермаркетов и торговых сетей в центре, удивившись обилию европейских товаров в них и заоблачным ценам. При всем этом, выставленное на продажу активно раскупалось, и жизнь там была ключом.

– Блага полились полным потоком, – констатировал Веселов. – Как когда-то обещал Михаил Сергеевич.

А когда проезжал Новый Арбат, обратил внимание на оцепленную полицией толпу с транспарантами и поинтересовался у таксиста, – кто такие?

– Трудящиеся массы, – ухмыльнулся тот. – Пришли на акцию протеста.

– Это то, что мне надо, – промелькнуло в голове, после чего Веселов попросил остановиться и, расплатившись, вышел из машины.

По ушам ударили усиленные микрофоном вопли стоящего на трибуне оратора, восторженный рев толпы и свист в перерывах между ними, а также маты стоящих неподалеку у автобусов с зарешеченными окнами, крепких парней с наклейками «ОМОН» на камуфляже и увесистыми дубинками.

– Все демократично, почти как в Европе, – подумал экс-шпион и стал проталкиваться к трибуне. При ближайшем рассмотрении массы не произвели впечатление трудящихся, они скорее напоминали тусовку и, пробившись в первые ряды, Веселов стал внимать очередному оратору.

Тот блеснул очками, бил себя в грудь и требовал отставки правительства.

– Кто это? – поинтересовался экс-шпион у стоящего рядом небритого типа, державшего в руках плакат «Долой Путина!».

– Бывший депутат Госдумы, – сплюнул тот, – у тебя выпить нету?

– Не, – сказал Веселов, – а вот эта, рядом с ним, которая блондинка.

– Так это ж Ксюша Собчак, – удивился небритый. – Ты что, не смотришь «Дом-2»? Зря, там такие бляди.

Потом выступил шахматный король и преуспевающий бизнесмен Каспаров-Вайнштейн (этого Веселов знал) и мрачный бородатый журналист с революционной фамилией Пархоменко.

– А от станка среди них что, никого нету? – снова поинтересовался экс-шпион. – В смысле из рабочих.

– Как нету? – обернулась к нему стоящая впереди, размалеванная девица. – Ксюша от станка, – сделала томные глаза. – И я, кстати, тоже. Могу предложить минет или strapon*, за двести баксов.

Стать жертвой strapon Веселов не хотел и благоразумно отказался.

Между тем толпа все больше возбуждалась, в воздухе то и дело раздавались свист и крики. А потом сзади пьяные голоса заорали «Владимирский централ», и в руках ОМОНа замелькали «демократизаторы».

– Господа, прошу соблюдать порядок! – загавкал в мегафон какой-то полицейский чин, и в ответ дружно заулюлюкали и завопили, – сатрапы!

Чувствуя, что обстановка накаляется, Веселов решил покинуть действо и активно заработал локтями.

Спустя несколько минут бывший майор выбрался из толпы и обнаружил, что у него сперли мобильник.

– Ничего не скажешь, трудовые ребята, – хмыкнул он и пошагал на Старый Арбат покупать новый.

А затем отправился в проезд Художественного театра. Там с незапамятных времен находилась пельменная, куда в советские времена, будучи студентом, Веселов часто заходил с приятелями, и ему захотелось предаться ностальгии.

Но ожидания обманули. В неузнаваемо изменившемся уголке старой Москвы, со стен новоделов в лицо ему смеялась заокеанская реклама, по искусственному бульжнику мостовой неспешно дефилировали туристы, а над стеклянным входом чудом сохранившейся пельменной, красовалась вывеска «Радиоли».

– И тут все испохабили, – в сердцах выругался бывший студент и вошел под когда-то любимые своды.

Его встретил европейский интерьер, блестящая стойка бара с фирменной наклейкой «Пепси-кола» и фальшивые улыбки обслуги.

Усевшись за пустующий столик у окна, Веселов взял в руки карту меню, после чего к нему заспешил один из официантов.

– А сибирские пельмени у вас есть? – поинтересовался гость, просмотрев список блюд, и халдей завел глаза под лоб, – русского не держим.

– Тогда тащи итальянские, – нахмурился он, – и полкило водки.

Спустя несколько минут, хлопнув рюмку «блэк-смирноффа», Веселов жевал похожие на почтовые марки радиоли (по вкусу они были весьма недурны), и ему было грустно.

Ностальгии не получалось, хотелось кому-нибудь набить морду.

Когда же графинчик наполовину опустел, а на душе чуть потеплело, звякнул колокольчик двери и на пороге возник рослый, импозантного вида мужчина.

Посетитель скущающее обвел глазами зал, а потом увидел Веселова, и в них появилась искра жизни.

– Вот уж не ожидал, так не ожидал! – прогудел мужчина, после чего по – слоновьи двинулся внутрь, и они троекратно облобызались.

Здоровяка звали Вилорий Блюмкин, в свое время они вместе учились в инъязе, потом Блюмкина вышибли с последнего курса за фарцовку, и его следы потерялись.

– Какими судьбами? – усевшись за столик, поинтересовался бывший соученик, на что Веселов ответил, что прилетел в отпуск из Англии.

– Так ты все служишь? – хмыкнул Вилорий и, плеснув себе из графина водки, залпом выпил.

– Вроде того, – пожал плечами «Поль Ферье». – А ты?

– Я теперь в политике – важно изрек приятель, – слуга, так сказать, народа.

И далее рассказал, что является членом ЛДПР, а также одним из помощников Жириновского.

– Круто, – поцокал языком Веселов. – Самого Владимир Вольфовича?

– Самого, – утвердительно кивнул Блюмкин. – И отвечаю за работу с электоратом.

В это время дверь распахнулась снова, в кафе вошел хмурого вида восточный человек, в сопровождении двух бритоголовых охранников и расположился за столиком в углу, поигрывая в руке янтарными четками.

– А вот и электорат, погоди, я сейчас, – встал и направился в ту сторону Блюмкин.

Минут пять он и хмурый о чем-то тихо говорили (секьюрити стояли рядом с видом египетских сфинксов), после чего вся тройка двинулась к выходу, а Вилорий вернулся к столику с черным кейсом.

– Взносы для партии, – поставил его у ног. – Миллион баксов от избирателей.

– А что взамен? – поинтересовался «Поль Ферье» и Блюмкин значительно ответил, – справедливость.

После чего сообщил, что тот, кого он видел, владеет десятком нефтяных скважин в Сибири и желает оттягать у конкурента по суду еще пять, чтобы улучшить жизнь народа.

– Так почему бы ему не передать все служителям Фемиды? – удивился Веселов. – Мне кажется это проще.

– Безусловно, – согласился либерало-демократ. – Зато и расценки выше. Кстати, закажи еще водки, а я тебе расскажу новую версию анекдота про честных судей, обхохочешься.

Через минуту на столике возник второй графинчик а к нему закуска, бывшие студенты выпили за встречу, и Блюмкин, промокнув губы салфеткой, откинулся на спинку стула, – слушай.

– Приходит значит, к председателю за советом молодой судья и говорит, «Иван Иванович, у меня спор двух хозяйствующих субъектов. Одна сторона дала за решение в свою пользу триста тысяч баксов, а другая триста пятьдесят – как быть?»

– Тот подумал и отвечает «Скажи первой, пусть донесут еще пятьдесят, и суди по справедливости».

Вслед за этим приятели долго хохотали, а потом Веселов утер слезы и просил.

– А какая старая?

«Верни второй стороне пятьдесят и суди по справедливости» – последовал ответ, – и «Поль Ферье» едва не подавился.

– Это было до начала борьбы с коррупцией, – солидно изрек Блюмкин. – Теперь суммы увеличились.

– И что, партия решит этот вопрос? – кивнул Веселов на кейс.

– Непременно, – потянулся Вилорий за графином, – чего не сделаешь для народа.

Еще через час они покинули кафе (платить пришлось экс-шпиону) и вышли в суету города, где ковали деньги, не отходя от кассы.

– А давай встретимся у меня? – предложил Блюмкину Веселов, решив выкачать из того побольше информации. – Я остановился в «Советской», там приличный кабак и варьете, отлично проведем время.

«Жил в гостинице советской не советский человек?» – бодро процитировал слуга народа. – Не, в такие места я ни ногой. Шеф узнает, оторвет голову. Давай лучше в «Метрополь», за твой счет, – и вопросительно покосился на Веселова.

– Нет вопросов, – без колебаний согласился тот. – Называй время.

– Тогда жди завтра, в восемь вечера, – сказал Блюмкин, после чего сел в подъехавший «ленд-ровер» и небрежно бросил водителю, – трогай!

На следующий день Веселов посетил митинг коммунистов на Суворовской площади, посвященный Дню советской армии, где их лидер по фамилии Зюганов, выступал с пламенной речью.

В ней он славил канувшую в лету армию, бичевал кремлевскую автократию и грозил ей народным гневом, а заодно обещал вывести на улицы миллионы.

Аудитория, представленная ветеранами времен Очакова и покоренья Крыма, а также отставными военными и сочувствующими, с трепетом внимала, а самые достойные сжимали в руках красные знамена и портреты генералиссимуса.

– Ну вот, это уже ближе к теме, – отметил про себя экс-шпион и сделал мобильником несколько снимков.

Потом, сняв шапки, толпа спела «Интернационал», и все потянулись к полевым кухням, подкрепиться армейской кашей с тушенкой и выпить.

Объедавший большевиков Веселов не стал и поехал к себе в гостиницу.

Там он плотно пообедал и заказал на вечер ужин на двоих в малом зале «Метрополя».

Когда на столицу опустились вечерние сумерки, и трудовые массы потекли из офисов в спальные районы, экс-шпион вышел из метро на станции Китай-город и спустя непродолжительное время вошел под своды пятизвездной гостиницы-ресторана.

Ее в разное время посещали зарубежные президенты Жак Ширак и Первез Мушарраф, певцы Элтон Джон и Майкл Джексон, звезды оперной сцены Монтсеррат Кабалье и Пласидо Доминго, а также лучшие люди страны, типа Бориса Ельцина с супругой, отечественных олигархов Алишера Усманова и Михаила Прохорова, а также воров в законе Япончика и деда Хасана.

Внизу гостя услужливо встретили и обещали сопроводить приглашенного, после чего, вымыв руки в сияющей никелем и позолотой туалетной комнате, он продефилировал в малый зал, где был почтительно усажен за уже сервированный на двоих изящный столик.

Обстановка впечатляла архитектурным интерьером в духе полистилизма, декором выполненным по эскизам знаменитого Валькота, а также небывалой роскошью и эпатажем.

– М-да, – оглядев все это, – сказал Веселов. – Чего только не сделаешь для народа.

Впечатлял и сам народ, предававшийся выпивке, пожиранию деликатесов и веселью.

Среди него были упитанные господа и их подружки в сияющих бриллиантами нарядах, представители творческой элиты и государственные мужи со значками депутатов Госдумы на лацканах пиджаков от версаче, а также гордые сыны Кавказа, и еще много кого, непонятного вида и ориентации.

– А вот и я! – возник у столика, по ходу раскланявшись с несколькими подозрительного вида типами, Вилорий Блюмкин.

– Тоже помощники, как и я, – кивнул на них и, оглядев стол, довольно потер руки.

– А у тебя отменный вкус, – сел на стул и зачихал за ворот накрахмаленную салфетку. – Ну что, приступим?

Для начала выпили по рюмке замороженной водки класса «премиум», закусив ее мало-солевой семгой с лимоном и оливками, далее по второй, под черную икру и перешли к доставленному официантом исходящим душистым паром седлу барашка по – ирлански.

– Фыть, как говорится, форофо! – чавкая набитым ртом, изрек сакраментальную фразу слуга народа.

– А хорошо жить еще лучше! – голосом известного актера продолжил Веселов, и они дружно загоготали. Кругом тоже раздавался смех, хруст костей и звяканье бокалов.

Утолив первый голод, однокашники закурили (возникнувший из ниоткуда официант предупредительно щелкнул зажигалкой), и Блюмкин, пуская вверх колечки дыма, стал вспоминать студенческие годы.

– Да хрен с ним с прошлым, давай о будущем, – снова наполнил рюмки экс – шпион. – Как сейчас в России? На Западе говорят, что хреново.

– Пиздят, – выплеснул свою в рот бывший фарцовщик. – У нас все окей, это там хреново. И для наглядности обвел зал рукой, – смотри, как веселятся.

– А как же те, что собираются на Болотной и Новом Арбате, вчера сам видел?

– Это наймиты американского госдепа. Им скоро сделают козью морду. И вообще Олег, – сжевал Блюмкин ветвь кинзы, – давай я тебе расскажу об истинном положении дел, а то ты, как погляжу, совсем дремучий.

– Давай, – с деланным безразличием пожал плечами экс-шпион и наострил уши.

– Итак, – налив себе боржома и жадно его вылакав, – хлопнул пустым бокалом о стол Вилорий, – демократии в России пришел кирдык. Полный.

– ?!

– Ну да, и не надо на меня пялиться, как Ленин на буржуазию. В стране просвещенный абсолютизм по Томасу Гоббсу*. Путин, наш король-солнце, а мы его дети.

– Это ж надо! – удивился Веселов. – А Дума и Совет федерации кто? Что-то я не понимаю.

– Фикция, – подмигнул ему либерало-демократ. – Для напускания тумана.

– А представленные в ней партии?

– Сборище недоумков и воров. Кроме нашей, естественно. Мы – смотрящие от Кремля, – опасливо оглянулся вокруг Блюмкин. – Но это секрет, – и приложил к губам палец.

Затем они перешли к хенесси, а когда опорожнили бутылку, Вилорий икнул и, заплетаясь языком сообщил, что в стране грядут великие перемены.

– Да ты что? – уперся в его лоб своим Веселов. – Какие?

– Будут избирательно мочить депутатов, губернаторов и министров, – зашептал ему в ухо слуга народа. А затем слюняво чмокнул в щеку и упал лицом в тарелку.

– Не желают ли господу освежиться? – тут же материализовался у столика официант.

– Ж-желают, – решительно кивнул экс-шпион, и они вместе потащили бесчувственное тело в туалетную комнату.

Через непродолжительно время пара снова сидела за столом (партиец на удивление быстро вернулся в рабочее состояние) и завершала ужин шампанским с ананасом и устрицами.

– Ешь ананасы, рябчиков жуй, день твой последний приходит буржуй! – продекламировал изречение пролетарского поэта Блюмкин и высосал очередную.

– А поехали завтра со мной в глубинку? – предложил он вслед за этим Веселову. – У меня там встреча с одним из наших региональных лидеров.

– С удовольствием, – ответил тот, и они сдвинули бокалы с французским «брю».

Во втором часу ночи, изрядно нагружившись, приятели, шатаясь, направились к выходу.

А праздник жизни продолжался.

С эстрады неслась задорная «Ламбада» в исполнении заезжей латиноамериканской группы, перед ней вихлялась и вопила потная толпа гостей, а за одним из столиков два господина в смокингах били морду третьему.

Утром этого же дня по Рижскому шоссе в сторону северо – запада, ровно гудя мотором неся черный «ленд-ровер с бритоголовым водителем и сидящими на заднем сидении Блюмкиным с Веселовым.

За окном мелькали зимние пейзажи, автомобиль уносил приятелей все дальше в необъятные просторы России, обоих мучило жестокое похмелье.

Область, в которую они следовали, была известна наличием в ней одной из президентских резиденций, посаженным за воровство и мздоимство губернатором, а также наличием значительного числа полуголодного электората, за голоса которого шла межпартийная борьба.

– Нужно поправить здоровье, – не выдержал спустя час Блюмкин и приказал Димону (так звали водителя) остановиться у придорожного кафе под елями, с романтической вывеской «У Гоги».

Рядом с ним стоял внедорожник, а чуть дальше, у дымящегося мангала с двумя вынесенными на открытый воздух столиками, ели с дразнящим запахом шашлыки под водку, хмурого вида тип и три крепких парня.

– Коммунисты, суки, – наклонился к Веселову Блюмкин. – Едут куда и мы, за голосами.

Затем все вышли из машины, Веселов заказал у небритого сына гор три шампура и бутылку «Старки», после чего они встали у соседнего столика и разлили ее в стаканы.

– Хорошо, – выщедив свой, выдохнул Блюмкин и первым впился зубами в мясо.

Между тем хмурый что-то сказал одному из своих парней, и тот вразвалку подошел к соседям.

– Поворачивайте назад оглобли, «жирики», – обвел их глазами. – Ноги поломаем.

Блюмкин в ответ послал того к классикам марксизма, после чего началась межпартийная разборка.

Веселов принял в ней активное участие, и вскоре оппоненты ползали по снегу, подвывая и собирая выбитые зубы.

– Хорошая получилась дискуссия, – щупая заплывший глаз, прошепелявил Блюмкин. – Слышь, Олег, давай к нам, ты готовый помощник по идеологии.

– Интересное предложение, я подумаю – ответил тот, и все трое рассмеялись.

Далее победу закрепили прокалыванием шин внедорожника и еще одной бутылкой, вслед за чем, распевая гимн ЛДПР, двинулись дальше.

Встреча с региональным партийным лидером впечатлила (он был местным банкиром), и после короткой встречи с электоратом, которому вручили по двести рублей за голос, московские гости отправились на базу отдыха, где плотно отобедав, занялись партийным строительством с молодыми активистками в хорошо натопленной сауне.

Потом заехали к знакомому фермеру в деревню, и Веселов ужаснулся царящим там разрухе и запустению. – Как после войны, – сказал он. – Только собаки, а людей нету.

Словно в противоречие, откуда-то из переулка вынырнула тройка расхристанных мужиков в ватниках и, пошатываясь, направилась к машине.

– Дайте на опохмел, кормильцы, – сунулась в открытое окно щетинистая морда и сидящих внутри обдало сивушным перегаром.

– На, – сунул в заскорузлую ладонь сотню Веселов, а Блюмкин добавил вторую.

«Мы железным конем, все поля обойдем!

Соберем и посеем и вспашем..!»

радостно заорала троица и бодро заскрипела кирзачами в сторону видневшегося неподалеку обшарпанного магазина, угол которого, задрав ногу, с философским видом орошала собака

– Ну вот, – довольно хрюкнул Блюмкин, – а ты говорил нету. – С такими орлами мы всю Россию перевернем, и ткнул Димона в загривок, – трогай!

Назад возвращались за полночь.

Уставший от политики Блюмкин мирно похрапывал, откинувшись на мягкие подушки, а Веселов сонно глядел на бегущую навстречу трассу и думал, а не вступить ли ему действительно в партию. Ему нравилась работа с массами.

Глава 5. Иосиф и Бенито

– Так значит, говоришь в России просвещенный абсолютизм и король-солнце? – выслушав доклад Веселова, нервно забегал по кабинету Борис Абрамович.

– Ну да, – предано следя за патроном взглядом, ответил сидящий в кресле экс-шпион.

– И совсем нету оппозиции?

– Всех взяли к ногтю, экселенц, – кивнул тот, – проверено.

– Сволочи, кругом одни сволочи, – просеменил человек Мира к столу и подвинул «мажордому» свой мобильник, – звони Антори, пусть педалирует работу.

– В смысле ускоряет?

– Да! – рывкнул олигарх. – Я оплачиваю расходы!

Веселов стал нажимать кнопки-бриллианты и в микрофоне возник голос доктора.

– Здравствуйте, синьор Антори, – ответил он по-итальянски. – Это Поль Ферье из Англии, от господина Березовского.

– Рад слышать, Поль. Какие проблемы?

– Хозяин просит ускорить работу за дополнительное вознаграждение.
– Это возможно, – ответил врач. – Но тогда получится недоносок.
– Он говорит, будет недоносок шеф, – прикрыв рукой трубку, взглянул на олигарха Веселов. – Соглашаться?
– Ни в коем разе! – выпучил тот глаза. – Вопрос снимается.
– Вопрос снимается, – повторил в трубку «мажордом». – Кстати, как идут работы?
– Все отлично, – прозвучал далекий голос. – Клетка выделена и оплодотворена, начался процесс вынашивания.
– Начался процесс вынашивания, – сообщил патрону Веселов, и тот довольно засопел носом.

На этом стороны распрощались, «мажордом» вернул мобильник шефу, тот каркнул ему – свободен, и занялся изучением работы Ленина «Государство и революция» (у Сталина об этом ничего не было).

Межу тем над Борисом Абрамовичем продолжали сгущаться тучи.

Бывшая жена (пятая по счету) затеяла с ним в английском суде тяжбу, претендуя на пять миллионов фунтов, а французское правосудие возбудило уголовное преследование по поводу трех роскошных особняков, купленных на Лазурном побережье.

Восемь месяцев прошли в непрерывной борьбе и мытарстве.

А на исходе девятого из Италии позвонил Антори.

Он сообщил, что суррогатная мать благополучно разрешилась маленьким Иосифом, тот успешно взролеет и очень дружен с Бенито.

– Когда мы можем его забрать? – сообщив Борису Абрамовичу радостную весть, поинтересовался Веселов. – Для дальнейшего воспитания.

– Через месяц, – последовал ответ. – Иосифу будет ровно двадцать.

После звонка олигарх впал в священный транс и, подбежав к висящему на стене портрету вождя, рухнул на колени.

– Свершилось Иосиф Виссарионович, – в исступлении произнес он. – Пришло наше время!

Веселов на всякий случай бухнулся рядом, и в голове мелькнула мысль, – а может наше?

Далее начались хлопоты с документами (Иосифу надлежало пересечь две границы), а также оформление для него комнаты с кабинетом в партийно-советском стиле.

Бумаги вскоре выправили, в них незаконнорожденный значился как внебрачный сын олигарха, а затем Борис Абрамович вновь напряг Оборзеева, поручив ему вывезти из России маршальский мундир и награды «отца народов».

Наконец настал долгожданный день, и в предвкушении ВЕЛИКОГО, «Платон Еленин» вместе с «Подем Ферье», снова вылетели в Италию.

Она встретила комбинаторов ярким солнцем, набирающим обороты кризисом и массовыми беспорядками в Риме, а также других крупных городах.

– Почти как у нас в России в начале 90-х, – наблюдая из окна арендованного лимузина за побоищем между полицией и демонстрантами, – довольно обернулся к шефу Веселов.

– Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма, – процитировал изречение Маркса Борис Абрамович, вслед за чем пропел, – то ли еще будет ой-е-ей!

На этот раз они нигде не задерживались, олигарх торопил Веселова, – давай жми! – и «мерседес» неся по трассе со скоростью болида*.

Когда запыленный авто подкатил к клинике, на долину опускались сиреневые сумерки, над черепичными крышами селения вились дымки, далекий колокол звонил к вечерней мессе.

– Помогите нам всевышний, – перекрестился Борис Абрамович в ту сторону, и Веселов вдавил внутрь кнопку на входе.

Им долго не открывали, потом дверь распахнулась, и в проеме возник сам Антори.

– А вот и мы! – довольно гавкнул олигарх и бросился пожимать тому руку.

Впрочем, вид у доктора был далеко не радостный, и Веселов после взаимных приветствий, поинтересовался, – что-то случилось?

– Да, – нахмурил седые брови Антори. – Иосиф и Бенито сбежали.

Его слова произвели эффект разорвавшейся бомбы.

Потом Веселов тихо выругался, а олигарх завопил, – убили!! – и грохнулся в обморок.

– Тащите его наверх, – приказал эскулап, – быстро!

Экс-шпион взвалил бесчувственное тело на плечо и, сопя, затопал внутрь дома за Антори.

В кабинете несчастного уложили на кушетку, доктор расстегнул ему воротник рубашки и сунул в нос смоченную нашатырем ватку. А когда патриот стал подавать признаки жизни, плеснул в стакан изрядную порцию коньяка и дал тому выпить.

Цокая зубами о его край, Борис Абрамович выхлебал целительную жидкость, его глаза стали осмысленными и он прошептал, – это правда?

– Правда, – вздохнул доктор и протянул Веселову лист бумаги, – вот что эти шельмецы написали.

«Прощай друг Северино, мы уходим в горы продолжать дело Гарибальди. Скоро ты о нас услышишь».

А ниже две подписи.

«Сталин».

«Бенито Муссолини». И в скобках приписка (Первый Маршал).

Веселов прочел записку Березовскому, тот взял ее в дрожащие руки, зачем-то понюхал и, заплетаясь языком, пролепетал, – кто такой Гарибальди?

– Национальный герой Италии и революционер, – ответил экс-шпион. – Великая личность.

– Не стоит так расстраиваться, – успокоил Бориса Абрамовича Антори. – Мы их найдем. Уверен.

– Вы так думаете? – слезливо спросил олигарх и зарыдал, – мои деньги!

– Общими усилиями его снова успокоили, что стоило остатков коньяка и немного спирта, а потом доктор вызвал двух санитаров и те увезли впавшего в сон Бориса Абрамовича, на каталке в больничный корпус.

– Неважные нервы у синьора Березовского, – сказал Антори, доставая из мини-бара вторую бутылку и разлил ее по стаканам – прозит!*

К утру, привыкший к ударам судьбы, Борис Абрамович полностью оправился, хозяин угостил гостей легким завтраком, после чего пригласил на уютную плющом внутреннюю террасу и рассказал им все, что произошло за последний месяц.

Со слов доктора, Иосиф вторично появился на свет с зубами и сразу же укусил его за палец, а первыми словами младенца были «где эта падла Хрущев? Расстреляю сволочь!»

– Точно Сталин, – всплеснул руками Березовский. – Это ж надо!

– Пиздец потомкам Никиты, – подумал Веселов. – Уроет.

– С первых же дней он отказался от молока кормилицы, – продолжил Антори, – и потребовал хванчкары и мяса.

– Это его любимое вино! – подсигнул в кресле олигарх, и доктор кивнул, – знаю.

– А затем пришел Бенито и, выяснив кто родился, попытался заколоть маленького Иосифа скальпелем, – вздохнул Антори. – Едва вырвали.

– Вот гад! – возмутился Веселов. – Скльпелем, младенца!

– За неделю этот младенец набрал десять лет, поймал Бенито в парке и повесил дуче вниз головой на дереве. Как итальянские партизаны в прошлой жизни.

– А вы его спасли, – с сожалением пробурчал Борис Абрамович, – этого фашиста.

– Я давал клятву Гиппократу, – пожал плечами Антори. – К тому же они дети.
– Ладно, излагайте дальше, – нервно заерзал в кресле олигарх. – Как говорят, ближе к телу.

– Поскольку я еще и психолог, – улыбнулся доктор, – то провел с мальчиками воспитательную беседу (Иосиф заговорил по-итальянски на третий день), а потом вручил им мемуары Джузеппе Гарибальди для совместного чтения.

– Вот они и начитались, – хмыкнул Веселов. – Лучше бы дали сказки Джанни Родари или на худой конец Андерсена.

– Может быть, – согласился эскулап. – Но кто знал, что так получится?

В результате парни быстро подружились и нашли в своих идеях много общего, – повел он рассказ дальше. – Кстати, – обратился к гостям, – а не владел ли раньше ваш вождь искусством гипноза?

– Еще как, – переглянулись те. – От одного его взгляда многие дрожали и пресмыкались.

– Тогда все ясно, – сказал Антори. – Этого и следовало ожидать.

– Чего именно? – насторожился Борис Абрамович? – Уточните, пожалуйста.

– За тот месяц, что он был у нас, Иосиф практически всем привил идеи большевизма. Начав с Бенито и закончив Инесс с поваром и Крисченцей. Даже я стал почитать «Капитал» Маркса и труды Ленина.

– Приверженцев у него было двести миллионов, – важно изрек олигарх. – И Сталин до конца дней был одержим идеей мировой революции.

– В таком случае он и подбил Бенито на побег, дабы продолжить начатое, – многозначительно сказал Антори. – А еще прихватил с собой съемный диск с моего компьютера, где была зашифрована методика клонирования, а саму программу уничтожил – закончил эскулап и нахмурился. – На ее восстановление уйдут годы.

– Разве Иосиф умел пользоваться компьютером? – удивился Веселов.

– Он сразу же его освоил, как увидел. – У парня феноменальные способности.

– Ну, и как их теперь искать? Этих юных гарибальдийцев! – вскочив, нервно зарысил по террасе Березовский.

– Я думаю, они ушли в горы, – указал Антори рукой в сторону синеющих вдали вершин. У меня есть проводник хорошо знающий те места, и мы воспользуемся его услугами. Кроме того в самое ближайшее время, эта пара себя проявит. В чем у меня нет сомнений.

– Откуда такая уверенность? – переглянулись олигарх с экс-шпионом и вопросительно уставились на эскулапа.

– Крисченца мне сообщила, а она любит во все совать свой нос, что последние дни мальчики изучали карту провинции и говорили о какой-то экспроприации. Вы не знаете, что это может быть?

– Еще бы, – хмыкнул Веселов. – В начале своей революционной деятельности Иосиф Виссарионович именно таким образом добывал деньги для большевиков. По заданию партии.

– А конкретно?

– Он с поделщиками грабил банки и ювелиров в Закавказье. – Причем весьма успешно.

– Вот зачем им понадобилось оружие, – вздохнул Антори. – А я уж подумал для охоты на муфлонов*.

– У них что, есть и оружие? – испуганно поинтересовался олигарх.

– Есть, помповое ружье и кольт, – сперли у повара с охранником.

– Крутые парни, – восхищенно зацокал языком экс-шпион. – Экселенц, они мне все больше нравятся!

– Жопой чувствую, в ближайшее время будет шухер, – сказал по простонародному человек Мира и стал жевать пальцы.

В интуиции шефа Веселов не сомневался (тот сам был великий экспроприатор), и все пришли к мнению, что стоит немного обождать, дабы революционеры себя проявили. А затем потихому их накрыть, чем Веселов обещал заняться лично.

Два дня прошли в тягостном ожидании.

Чтобы его скрасить, Березовский с Антори играли в вист, «Поль Ферье» учил Инесс французскому, а вечером третьего местные телевидение и газеты разразились сенсацией.

На провинциальной трассе, у местечка Фиденза, неизвестные ограбили броневик инкассаторов, перевозивший крупную партию денег из Милана в Парму.

Как сообщили журналисты, живых свидетелей не осталось, но видео регистратор зафиксировал лет шести мальчика, вызывающе стоящего перед мчащейся на него машиной.

– Это дуче, – сразу же сказал Антори. – У него отсутствует чувство страха.

– Ну да, – профессионально заявил участник операций в Ливии. – Бенито в наглую остановил броневик, а когда охранники вышли чтоб накидать ему банок, Иосиф расстрелял всех из засады. Чувствуется школа.

Так, а теперь желательно посмотреть карту доктор, найдем эту Фидензу.

Вскоре горничной из библиотеки был доставлен атлас автомобильных дорог провинции, где быстро нашли искомое.

– Ну вот, с этого места и будем отталкиваться, – ткнул пальцем в небольшой кружок Веселов. – Тем более что рядом предгорья Апеннин.

– Здесь их можно искать до второго пришествия, – недовольно пробурчал Борис Абрамович. – Кроме того с такой суммой парни запросто могут спуститься к морю, сесть на корабль и ищи ветра в поле.

– А вот это вряд ли, – не согласился Веселов. – Бенито жаждет власти и, скорее всего приятели будут готовить восстание. Не забывайте что это за личности.

– Полностью с вами согласен, Поль, – поддержал его Антори. – Кстати, именно в этих местах, кивнул он на карту, – где-то находится пещера, в которой в свое время скрывался Гарибальди. Думаю, именно там беглецы и скрываются.

– Вы что-то говорили о проводнике, дон Антори, – закурив сигарету, откинулся в кресле Веселов. – Не пора ли от слов перейти к делу?

– Да-да, – прокаркал олигарх, – а не то их поймает полиция и плакали мои деньги!

– Он уже вызван и скоро будет, – кивнул доктор, после чего позвонил в колокольчик и приказал принести кьянти.

Когда оплетенная камышом фляга наполовину опустела, а лица собеседников порозовели от благородного напитка, снизу позвонил охранник, сообщивший, что прибыл старик Серджио Висконти.

– Давай его сюда, – ответил доктор, и вскоре, сжимая в руках потрепанную шляпу, перед сидящими на террасе предстал костистый старик, чем-то напоминающий пирата.

На нем были широкие потертые штаны и морской тельник, а на шее красный платок и золотая серьга в ухе.

– Висконти в прошлом известный контрабандист, – представил его гостям доктор. – А кроме того отлично знает все окрестности. – Не так ли Серджио?

– Си синьор, – чуть поклонился тот и уставился выцветшими глазами на флягу.

– Нас интересует пещера Гарибальди, та, что в предгорьях Фидензы. Можешь туда провести? За хорошее вознаграждение.

– Трудно вспомнить, – почесал затылок старик. – Мне бы освежиться.

Антори тут же наполнил вином один из бокалов, Серджи выпил, и утер рукой губы, – вспомнил.

– Уж не маленького ли Бенито вы ищите? – хитро прищурился он. – С его усатым приятелем?

На террасе возникло молчание, и Веселов с Березовским переглянулись. Иностранцам не понравилась такая осведомленность.

– В ночь побега они заходили к падре Антонио за благословением, – продолжил Серджио. – И он приказал мне сопроводить дуче в ту самую пещеру, сказав, что это угодно Господу.

– И ты сопроводил? – прищурился Антори.

– В противном случае его друг обещал мне перерезать горло, – пожал плечами Висконти. – Что оставалось делать?

– Все пропало! – схватился за голову расстроенный Борис Абрамович. – Теперь о побеге известно многим, и они донесут в полицию!

– Отнюдь, – отрицательно качнул головой Антори. – В наших краях не любят карабинеров, как и правительство, и сделают все, чтобы помочь Бенито. Тем более, все знают, что он Дуче.

– ?!

– В Италии невозможно ничего скрыть, – развел руками доктор. – Национальная особенность.

С первыми лучами солнца черный «мерседес» вырулил из долины и понесся в сторону Пармы.

Рядом с сидящим за рулем Веселовым потягивал из бутылки граппу старый контрабандист, а на заднем сидении зевали Березовский с Антори.

Все путешественники были облачены в защитного цвета шорты, кепи с козырьками и рубашки, а в багажнике покоились туго набитые рюкзаки и апельштки.

На трассе за городом их проверил один патруль карабинеров, в десятке километров от Фидензы второй и Серджио ухмыльнулся – забегали ищейки.

Перед местечком он приказал Веселову свернуть вправо на старую проселочную дорогу, а потом остановиться в зеленеющей буковой роще у предгорья.

– Отсюда пойдем пешком, – первым выбрался он из машины. – Забирайте рюкзаки и снаряжение.

Спустя час, подобно вьючным мулам, группа, сопя, карабкалась по обрывистой горной тропе вверх. Борис Абрамович поминал Бога.

К полудню вышли к прозрачному, среди замшелых валунов роднику рядом с полуразрушенной часовней, сделали короткий привал и немного подкрепились.

– Далеко еще? – поинтересовался олигарх. – Мне кажется, что мы уже во Франции.

– Скоро придем, – невозмутимо ответил Серджио, когда Веселов перевел вопрос. – Крепись амиго.

Затем восхождение продолжилось и спустя еще час, группа оказалась среди мрачных скал, поросших густым лесом.

– Вон там пещера, – задрал вверх голову проводник и, заложив в рот два пальца, пронзительно свистнул.

Через минуту оттуда раздался ответный свист, а потом вниз упала веревочная, наподобие корабельной, лестница.

– Вперед, синьоры, – сделал приглашающий знак контрабандист и покарабкался вверх с ловкостью обезьяны. Когда он исчез, вслед за ним последовал Антори, а потом Веселов придержал хлипкое сооружение и обернулся к Березовскому, – прошу вас экселенц, мы у цели.

– Я боюсь, – пробурчал тот сгорбившись. – Не лезу.

– Не забывайте что там ваша собственность, – напомнил экс-шпион, и Борис Абрамович бросился к трапу, словно Александр Матросов на амбразуру.

Когда кряхтящий олигарх, а вслед за ним ветеран спецслужб поочередно взобрались на скрытую густой зеленью скальную площадку, перед ними открылась впечатляющая картина.

Посреди нее, в пляшущих языках пламени, истекая соком на вертеле жарился баран, вокруг которого хлопотали три бандитского вида молодца с ножами, чуть дальше, на дубовой колоде, с видом короля сидел маленький Бенито, перед которым в смиренных позах стояли проводник с доктором, а позади темнел вход в пещеру.

– Подойдите, – величаво кивнул дуче, и аргонавты, просеменя вперед, встали рядом с итальянцами

– Я уже видел вас – подозрительно обвел их взглядом мальчик. – Ты, лысый – ткнул пальцем в Березовского, – капиталист из России. А ты – уставился на Веселова – француз из Англии.

– У вас отличная память, – сделал умильное лицо олигарх.

– И какого дьявола вам здесь надо?

– Мы бы хотели увидеть Иосифа, – почтительно сказал Веселов, а Борис Абрамович сдернул с головы кепи и стал кланяться.

– Так и быть, – чуть подумав, выпятил губу дуче. – Луиджи, сопроводи гостей к Кобе! – бросил он одному из парней и продолжил беседу с Антори.

– Идите за мной, – воткнул тот в барана нож, и все направились к пещере.

– Ждите здесь, – обернулся он у входа и исчез в полумраке.

Через минуту вернулся, буркнул, – входите, – и пошел заниматься своим делом.

– Ну, с Богом, – мелко перекрестился Борис Абрамович, Веселов кивнул и они вошли под своды.

Пещера была обширной, с сухим песчаным полом и льющимися откуда-то сверху солнечными лучами. Вдоль ее боковых, с блестками вкраплений кварца стен, тянулись покрытые овечьими шкурами лежанки, над которыми висели несколько ружей, и различная утварь, а в дальнем конце стоял грубо сколоченный длинный стол с двумя скамьями, на одной из которых спиной к входу сидел человек и что-то писал при свете керосиновой лампы.

– Кхе-кхе, – нерешительно откашлялся олигарх, после чего тот неспешно встал, и, выйдя из-за стола, обернулся.

– Ик-к, – сказал Веселов, а Березовский жалобно пискнул и втянул голову в плечи.

Перед ними, в темном пиджаке и с крапленным шарфом на шее, стоял молодой ОН и невозмутимо попыхивал трубкой.

– Гамарджоба – слышалось вслед за этим по-грузински, а затем по-итальянски, – я вас слушаю.

– Э-э-э – проблеял Борис Абрамович, а экс-шпион сделал шаг вперед и бросил руки по швам, – здравия желаю товарищ Сталин!

– Вах! – высоко поднялась левая бровь. – Русский?

– Так точно! – последовал ответ. – Бывший майор ГРУ, Веселов Олег Иванович!

– А вы? – перевел вождь глаза на олигарха.

– Тоже, – сглотнул тот слюну. – В некотором роде.

– Приятно встретить в этих местах соотечественников, – чуть улыбнулся Сталин. – Рассказывайте, с чем пришли, – и указал чубуком на одну из лежанок.

Комбинаторы присели на краешек, и Борис Абрамович, потев и дрожа голосом, сообщил кто они и зачем прибыли.

Все это время отец народов расхаживал по пещере, посасывал трубку и внимательно слушал.

– Так вы меня хотите отправить в Россию в качестве экспорта революции? – наклонился он к олигарху, когда тот закончил. – Я правильно понял?

– Если можно, – часто закивал тот. – Оплачиваю все расходы.

– А что взамен?

– Вашу лояльность, – хихикнул Борис Абрамович. – И какую-нибудь должность. Вроде председателя КГБ или Совмина.

– А вам? – золотисто взглянул Сталин на Веселова.

– Я солдат! – вскочил тот. – И согласен служить за идею!

– Вот, – одобрительно произнес вождь. – Настоящий большевик и патриот. А вы у нас кто? Беспартийный?

– Я готов пополнить ряды! – тоже вскочил олигарх. – И даже выступить спонсором!

– Кем? – снова поднялась бровь. – Не понял?

– В смысле партийной кассой, товарищ Сталин, – пояснил Веселов. – Борис Абрамович здорово разбирается в финансах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.